

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

4 декабря 2013 г.

№ 57

2 СУДЬБА ГУМАНИЗМА
В XXI СТОЛЕТИИ

5 МИРОВОЙ КРИЗИС
2008–2009 ГОДОВ
И РОССИЯ

6 БАХТИН И «НЕЧТО»

7 НАУКА И ОБОРОНО-
СПОСОБНОСТЬ
В РОССИИ.
ПРОВЕРКА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Главным ресурсом и для индустриализации, и для победы в войне стала духовная энергия народа, волна патриотического подъема и трудового энтузиазма, которую большевики сумели вызвать и поддерживать в течение многих лет

8 ЧЕЛОВЕЧИНА ПОД
СОУСОМ АПОЛИТИЧ-
НОСТИ — 6, ИЛИ
КУЛЬТУРНЫЙ
РЕЛЯТИВИЗМ И ЕГО
ПОСЛЕДСТВИЯ

10 СПАСЕМ
НАШИХ ДЕТЕЙ!

11 ВРАЧ: ПРОФЕССИЯ
И ЭТИКА. ЧАСТЬ III

12 СЛОМ
ИДЕНТИЧНОСТИ — 2

13 ИРАН НА НОВОМ
ЭТАПЕ БЛИЖНЕВО-
СТОЧНОГО МИРО-
УСТРОИТЕЛЬНОГО
КОНФЛИКТА

14 ИТАЛЬЯНСКИЙ
ФАШИЗМ:
КОНКУРЕНЦИЯ
ЗА РОЛЬ ВОЖДЯ

15 РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЭЛИТА РОССИИ
ИЛИ ЭЛИТА
РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
СТРАНЫ?

16 НОВАЯ КУЛЬТУРА.
ПРОТИВОРЕЧИЯ
В ПРОЛЕТКУЛЬТЕ

Нет понимания того, как этим «Сверх-Я» обзавестись, но запрос на него огромен. И запрос этот очевидным образом исходит с четвертого этажа

Четвертый этаж — 2

В предыдущей статье я описал три этажа человечности, оговорив, что поскольку мое описание не находится в остром конфликте с тем, что описано Фрейдом, то три этажа лучше называть именно так, как их называл Фрейд. А называл он их «Оно», «Я» и «Сверх-Я».

В той же статье я попросил у ревностных последователей Фрейда прощения за вольное толкование вышеназванных трех этажей. Мне-то кажется, что Фрейд вкладывал в «Оно», «Я» и «Сверх-Я» примерно то содержание, которое я предложил читателю предыдущей статьи. Но кто знает... Лично я никогда не собирался посвящать себя подробному исследованию творчества Фрейда. По-человечески мне гораздо ближе, как ни странно, Юнг и Фромм. Это при том, что Юнг и Фромм — очевидные антиподы. Так что (подчеркну еще раз) свое описание трех этажей человечности я сопроводил адресациями к фрейдовским «Оно», «Я» и «Сверх-Я», во-первых, из отвращения к плагиату. И, во-вторых, из отвращения к новоязу.

Я не в последний раз обращаюсь к четвертым этажам человечности. Может быть, ревностные фрейдисты докажут мне, что я зря использую те термины, которые ввел Зигмунд Фрейд. И тогда я со скрежетом зубным начну изобретать другие термины. Но надеюсь, что этого не произойдет.

Что же касается четвертого этажа, то его у Фрейда очевидным образом нет. А он-то как раз и имеет решающее значение. Для чего?

Во-первых, для движения «Суть времени». Во-вторых, для будущего России. В-третьих, для будущего всего человечества.

Как ни странно, именно обсуждение вопроса о том, почему наличие четвертого этажа человечности имеет решающее значение для «Суты времени», может прояснить всё сразу: и содержание данного четвертого этажа, и его решающее значение для судеб России и человечества.

«Суть времени» многолика, как любая крупная общественно-политическая организация. И пока рано говорить о том, что именно доминирует у всех сутевцев. Может быть, и нет его, этого общего знаменателя, позволяющего утверждать, что у всех — и именно у всех сутевцев — доминирует именно это и ничто другое.

Но я обсуждаю вопрос о четвертом этаже во многом потому, что за последние два года гораздо глубже узнал сутевцев. Я никогда не думал, что узнаю их так глубоко. Кстати, для того, чтобы руководить классической общественно-политической организацией, такие глубокие знания в каком-то смысле избыточны. Но «Суть времени», безусловно, являясь общественно-политической организацией нового типа, не является классической общественно-политической организацией. И потому вопрос о четвертом этаже для нее является решающим.

Но сначала разберемся со вторым этажом, названным мною «Я» из уважения к Фрейду.

Кстати, во всем, что касается этого этажа человечности — что Фрейд, что Маркс. Потому что содержание этого этажа определяется социальным бытием. Человек не обусловлен социумом до конца, но он им обусловлен наиболее серьезнейшим образом. Бытие не определяет сознание полностью. Но оно определяет его, мягко говоря, весьма и весьма существенно. Речь, конечно, идет не о быте, а о бытии. Приравнивание бытия к быту — удел вульгарнейшего марксизма.

Что главное в социальном бытии? Возможность межчеловеческой коммуникации, возможность деятельности, освоение норм и правил, которые, лишь действуя, можно освоить по-настоящему. Возможность познать себя, создавая нечто (опредмечивая себя) и обнаруживая через созданное нечто сущностное в себе (распредмечивая созданное).

Опредмечивание и распредмечивание — это, конечно, уже не Фрейд, а Маркс. Ну и что? Ведь самое важное в Марксе — «из царства необходимости в царство свободы». А что такое свобода в ее неанархическом понимании? Это неокончателность любой обусловленности. Человек не обусловлен окончательно ни природой, ни социумом, ни тем своим внутренним миром, который... Который не познан человеком до конца так же, как и все другие миры (природный, социальный etc). Да, до конца не познан. Но ведь в какой-то мере познан? За счет открытий Фрейда он познан глубже, нежели в предшествующий период. Ну и что? Познание этого мира уменьшает его роковое воздействие на человека? Кстати, гуманизм и величие Фрейда именно в том, что он был в этом уверен. Мол, «Оно» существенно порабощает (то есть обуславливает) «Я» человеческое, но познавая «Оно», человеческое «Я» в каком-то смысле эту обусловленность все же способно преодолеть.

Маркс занимался освобождением человека от социального рока (эксплуатация, классовое неравенство, разделение труда, наконец).

Фрейд занимался освобождением человека от психологического рока (действие «Оно»).

При всей разнице между Марксом и Фрейдом, согласитесь, есть общее. И это общее позволяло многим весьма талантливым людям развивать так называемый фрейдомарксизм. Ничего путного, увы, из этого не получилось. Но, как говорят физики, отрицательный результат — тоже результат. Кроме того, отрицательный результат эксперимента не доказывает, что в принципе нельзя получить результата позитивного. Если не на пути прямого скрещивания Фрейда и Маркса, то на ином пути, более сложном и тонком.

Так при чем же тут «Суть времени»? А при том, что в постсоветском регрессиуме, который я назвал «Зоной Ч», у одиночки есть две возможности.

Первая — действовать, уподобляясь пловцу, плывущему в нечистотах.

Вторая — отказаться от социального действия, опасаясь пагубного воздействия окружающих тебя нечистот. Или же свести это социальное действие к минимуму. Или же — максимально защищать себя от пагубного воздействия нечистот, осуществляя социальное действие особым, пугливо-ускользающим образом.

В любом из этих двух случаев «Я» оказывается существенно ослаблено. Либо нечистотами, либо неполнотой осуществляемого социального действия.

Что такое ослабление «Я»? Это усиление «Оно». Свои звериные инстинкты (что хуже всего — поврежденные) человек поместил на нижний этаж, потому что над этим этажом возник другой, высший. Но нижний-то этаж не исчез. В нем стали возникать новые, собственно человеческие, напряжения. Они, находясь под спудом «Я», научились разряжаться особым образом, относительно безопасным для человека и человечества. Но если спуд, под которым это всё находилось, теряет свои нормальные качества — дело плохо. То, что находилось под спудом, рвется наружу. Тем более что постсоветский регрессиум поощряет всё, что находилось под спудом. Он словословит звериное, темное, криминальное, аморальное. Воспевает низкую, антигуманную силу.

Так что же может это сдерживать? «Сверх-Я»? Увы, оно тоже повреждено. Поколение, входившее в жизнь на стыке советского и постсоветского, в существенной степени лишено уважения к учителям и родителям. И отчуждено от культуры. Ну и за счет чего может сформироваться «Сверх-Я»? Нет этого сформированного «Сверх-Я»!

Но есть другое. Есть запрос на «Сверх-Я». Есть яростное желание этим самым «Сверх-Я» обзавестись, дабы преодолеть и травму «Я», и напор «Оно». Нет понимания того, как этим «Сверх-Я» обзавестись, но запрос на него огромен. И откуда же он исходит, этот запрос? Ведь не от «Оно» он исходит. И не от «Я». И уж тем более не от «Сверх-Я». Запрос этот очевидным образом исходит с четвертого этажа.

О том, каким образом он там формируется — в следующей статье.

До встречи в СССР!

Сергей Кургинян

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Что же все-таки имел в виду Сталин, написав:
«Эта штука посильнее, чем «Фауст» Гёте
(любовь побеждает смерть)»?

Судьба гуманизма в XXI столетии

Меня долго убеждали принять участие в дискуссии с представителями не либеральных, а иных — специфически почвенных — кругов. От лица которых должен был выступать Игорь Чубайс. Меня убеждали, что Игорь — не чета его брату. Что он твердо верует в православие и общинность. Что он антилиберально настроен и так далее. Поскольку уже не раз мне приходилось достигать того или иного компромисса с антисоветскими почвенными кругами, я согласился.

«А что особенного? — подумал я. — Знаю дело! Мне ли чураться сочетания антисоветскости с почвенностью? Сотрудничая на протяжении более двадцати лет с газетой «Завтра», я давно выработал по отношению к этому если не абсолютный, то, по крайней мере, очень прочный иммунитет».

Увы, пошлость, глупость и оголтелая агрессивность этой квазипочвенности оставили позади всё то, что предъявили либералы в ходе передач «Суд времени» и «Исторический процесс».

Но, как говорится, нет худа без добра. Именно во время этой встречи я по-настоящему дооформил для себя всё то, что накапливалось в ходе вышеназванных передач и привело к моему отказу от дальнейшего участия в исчерпавших свой смысл ристалищах. Меня ведь часто спрашивали и спрашивают: «А почему вы отказались от продолжения передач? Не означает ли такой отказ ухода с поля боя? Или, может быть, не вы отказались, а вам отказали?»

Возможно, что в политическом смысле мне было бы выгоднее представиться жертвой власти, которая испугалась моих побед и перекрыла мне канал общения с широкими массами. Но есть вопросы, в которых подобного рода выгоды отходят на второй план. А на первый план, как ни странно, выдвигается элементарная правда.

Правда же состоит в том, что победить Сванидзе и Млечина со счетом 66:0 — значит отстоять определенные ценности. Между прочим, отнюдь не только узко идеологические. А победить Сванидзе и Млечина со счетом... ну, скажем, 660:0 — это значит утратить всё, что связано с победами над ними. Доставшимися, прямо скажем, далеко не малой ценой. И — прославиться в качестве непревзойденного телебойца, то есть шоумена.

Для кого-то такой статус — невероятно желанен. Но мне он и жалок, и отвратителен. Возразят: «Нельзя же думать только о себе! Ваши победы нужны народу, тому самому большинству, чьи интересы Вы взяли отстаивать». Согласен с тем, что нельзя думать только о себе. И что коли взялся отстаивать чьи-либо интересы — иди до конца (назвался груздем — полезай в кузов).

Но согласившись с этим, не соглашаюсь с другим. С тем, что просоветскому большинству нужны бесконечные телепобеды над антисоветским меньшинством. Неважно, чьи победы — мои ли или других сторонников советизма в том или другом его понимании. До какого-то момента телепобеды и впрямь очень нужны. Но именно до какого-то момента. Пока просоветское большинство дезориентировано и атомизировано, пока оно не понимает, что оно большинство, телепобеды имеют для него огромное значение. Потому что каждый представитель этого большинства вдруг обнаруживает, что он не выродок-одинок. Что таких, как он, очень много. Обнаруживает

он и другое. Он обнаруживает, что в его позиции есть не только правда чувства. Но и правда мысли. Он углубляет свое представление о том, по поводу чего ранее мог сказать только нечто страстно-элементарное. Теперь на месте страстно-элементарного возникает столь же страстная сложность. Да, столь же страстная. Потому что если сложность теряет страстность, то она никому не нужна.

Обнаружив это, представитель просоветского большинства обнаруживает и свою способность к росту. Притом что без роста, развития, взятия барьера сложности каждым представителем этого самого просоветского большинства ни о какой победе большинства над меньшинством говорить не приходится.

Но мало обнаружить свою способность к росту, развитию, взятию барьера сложности. Нужно найти в себе силы для того, чтобы реально начать расти, развиваться, брать этот самый барьер. Только смотря телешоу, этого сделать нельзя. Более того, неизбежно наступает момент, когда лицемерие телепобед «советистов» начинает приобретать для представителей большинства не мобилизующий, а совсем иной характер — характер, скажем так, мировоззренческого наркотика. Начиная с этого момента, представители большинства как бы перекалывают на телепобедителя ответственность, которую должны нести они сами.

Говорится примерно следующее: «Если он, телепобедитель, умеет так побеждать, то пусть сотворит чудо. Желательно при минимальном нашем участии. То есть участии, сводящемся к телеголосованиям, максимум максимуму — к телеголосованиям, дополненным простейшими формами нашей поддержки».

Образно говоря, бесконечное наращивание телепобед, не дополненное чем-то, адресующим к жертве, мобилизации, подвижничеству, потихоньку формирует в сторонниках телепобедителя убеждение, что у телепобедителя есть, скажем так, волшебная веревочка, дернув за которую, он может мгновенно превратить нынешнюю антисоветскую реальность в советскую реальность 30-х, 60-х или 70-х годов XX века. Внушив себе это исподволь (тут очень важно, что исподволь, что процесс такого внушения носит существенно бессознательный характер), представители просоветского большинства начинают требовать от телепобедителя, чтобы он поскорее дернул за волшебную веревочку. И раздражаться: «А что это ты не дергаешь?»

И что же будет, если такой процесс пойдет слишком далеко? (А ведь он обязательно туда пойдет, если наркотизирующая телевизионная гиперпобедительность приведет к вышеописанным самовнушениям!) Вестимо, что. Обнаружение отсутствия волшебной веревочки рано или поздно вызовет у впавших в это состояние представителей просоветского большинства не просто глубочайшее разочарование, граничащее с отчаянием. Нет, оно вызовет психологический слом тем более пагубный, чем в большей степени данный представитель просоветского большинства впал в вышеописанное состояние.

Посели в себя однажды этот синдром волшебной веревочки — и пиши пропало. Синдром укореняется, приобретает всё более опасные формы. Начинается глубокая перестройка личности. И выдергивание этого укорененного синдрома становится чревато полным крахом личности.

Так что настоящее чувство ответственности за просоветское большинство в целом и каждого его отдельного представителя требует чувства меры. Нужно не ошибиться, уловить момент, когда правильное воодушевление победами просоветского телеборца начинает превращаться в синдром волшебной веревочки. И как только ты уловил, что твои телепобеды из воодушевляющих и мобилизующих превращаются в наркотизирующие и формирующие синдром волшебной веревочки — прекращай это дело. И начинай заниматься чем-то другим. В сущности, я и начал заниматься другим, затеяв интернет-передачу «Суть времени». И сознательно определив жанр этой передачи как антишоу.

Ну, а далее... Как говорят в таких случаях, поезд следует со всеми остановками. Виртуальный клуб... Соцопросы... Фотовыставки... Митинги... Школы... Реальный клуб... Газета «Суть времени»... Родительское Всероссийское Сопротивление... Александровская слобода... Учебники, с помощью которых сутевцы должны получить полноценное образование нового типа... Учебный центр, где они будут его получать...

Ведь положила руку на сердце, ни одно большинство никогда в истории не побеждало само по себе. Оно побеждало, только если возникал его авангард. Он мог быть большевистской партией нового типа. Или якобинским клубом. Возглавляющей национально-освободительную борьбу латиноамериканской (мексиканской, чилийской, кубинской) интеллигенцией. Или теми не любящими саморекламу сообществами, вокруг которых сложились китайская или вьетнамская компартии. Никогда этот авангард не должен отрываться от большинства. Он не смеет высокомерничать, рассуждать о своей избранности. У него одна обязанность — любящее служение большинству. Но для того, чтобы он мог выполнить эту обязанность, он должен быть. В сегодняшней России он существует в виде недооформившегося сгустка, в котором воля пока преобладает над разумом.

Назвав подобный сгусток новым нарративом (разумеется, нарративом по Тойнби, а не нарративом постмодернистским) и не без горечи признав, что если такой нарратив и существует (а без него дело плохо), то связан он лишь с такой малостью, как «Суть времени», я окончательно подвел черту под телевизионными ристалищами прошлого. Но не под ристалищами вообще. Возможно, предстоят новые ристалища. Но тогда они должны быть не просто новыми, а совсем новыми.

Ведь негативы гиперпобедительных телешоу не сводятся, представьте себе, к порождению синдрома волшебной веревочки. Есть еще один предельно опасный негатив, связанный с очень нужной для просоветского большинства победительностью. Такой негатив всегда существует в любом позитиве. Ты становишься заложником победительности. И даже попадаешь в ловушку этой победительности. Дело не в том, что телепобедители могут оказаться жертвами синдрома собственного успеха. Кстати, жертвами такого синдрома часто оказываются отнюдь не только телепобедители.

Тот же Гёте, которого нам еще предстоит обсуждать, считал себя заложником успеха, обрушившегося на него после издания книги «Страдания молодого Вертера». Не исследуй Гёте болезнь под названием «синдром успеха» с тщательностью, на которую способен только

гениальный ученый, являющийся по совместительству гениальным писателем, «Фауст» не был бы написан. И Сталин не написал бы, что кем-то (по большому счету неважно кем) написано нечто (по большому счету неважно что) посильнее, чем «Фауст» Гёте.

И не объяснил бы, что именно он вкладывает в это свое «посильнее».

Так что же, кроме синдрома собственного успеха, преследует человека, сражающегося с такими, как Сванидзе и Млечин, и побеждающего этих — большой вопрос, только ли либеральных — «драконов»?

Бог с ним, с телеуспехом. Как-то так получилось, что я с юности сделал свой выбор относительно того, каких успехов я действительно хотел бы (как и любой творческий человек), а какие успехи меня не греют.

Об этом своем юношеском выборе я вспомнил недавно в поезде Ярославль–Москва. Ко мне в купе подсел актер, играющий главные роли в культовых сериалах (очередной сериал снимался в Ярославле). Актер этот, человек весьма неглупый и тонкий, когда-то, как выяснилось, очень рвался стать актером моего театра «На досках». Потом уехал за границу, преуспел там, вернулся в Россию. Будучи человеком далеко не банальным, этот актер решил на сто процентов воспользоваться неожиданной встречей с режиссером того театра, в который он когда-то хотел поступить. И проговорил со мной три с лишним часа, пока мы ехали из Ярославля в Москву.

Где-то в первой трети пути к нам в купе заглянула продавщица шоколадок и стала яростно упрашивать актера, чтобы он с нею сфотографировался. Актер абсолютно искренне сказал после того, как я его сфотографировал с продавщицей: «Да тут же сам Кургинян!» Продавщица с невероятной вежливостью (ведь ее кумир сказал: «Сам Кургинян!») признала, что понятия не имеет о том, кто такой Кургинян. Актер долго проверял, не огорчила ли меня случайно эта история. И убедившись, что она меня не огорчила, начал допытываться, почему.

Тут мы заговорили о бедном театре в понимании Гротовского и о многом другом. Одним словом, о том, что я с юности хотел воздействовать определенным образом на авангард, который поведет за собой большинство к новым историческим горизонтам.

Я никогда не хотел воздействовать непосредственно на само большинство. Ощущение того, что, наверное, можно назвать предназначением, было у меня с юности невероятно острым. В этом ощущении не было ничего от социального или иного высокомерия. И понятно, почему. Я ведь хотел не просто воздействовать на авангард. Я хотел, чтобы этот авангард служил большинству, любил большинство и вел его за собой. Как я мог при этом презирать большинство? А относиться к большинству невысокомерно, как я мог не проявлять глубокого и при этом очень отстраненного интереса к реальному кумирам этого, часто неполитизированного, большинства? К той же ранней Пугачевой, например?

Если бы я не стремился воздействовать на авангард, любящий это большинство, и именовать это большинство чернью или быдлом, — тогда другое дело. Я мог бы назвать Пугачеву актрисой для черни и так далее. Но я искренне никогда не считал большинство быдлом. Встречая с женой Новый год в 70-е годы в каком-нибудь владимирском, горьковском, ярославском или ином

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

провинциальном ресторане (мы любили такой способ встречи Нового года), я с удовольствием отплясывал с этим большинством под «Арлекино» или «Всё могут короли».

Но никакого желания, образно говоря, стать Пугачевой от театра (или от политики) у меня, честно скажу, не было. Если точнее, то не было ни одной частицы такого желания в душе. Во время постановки спектакля в Саратове (в 1983 году этот спектакль был поставлен и тут же запрещен) я пытался раскрепостить одного актера. И помогал ему с помощью глубокого аутотренинга. В ходе одного из аутотренингов с актером произошло нечто эмоционально неслыханное — он весь светился внутренним светом. Вообще-то в таких случаях не принято спрашивать: «Что вы увидели вашим внутренним зрением?» Но я все-таки спросил, потому что мне показалось, что он увидел Будду или Христа. Актер поделился со мною, сказал мне шепотом на ухо: «Я был Аллой Пугачевой и пел».

То есть этот актер хотел обрести способность сильно воздействовать на большинство. А я — и как режиссер, и как исследователь, и как политик — всегда хотел другого. Поэтому с синдромом успеха у меня всегда были проблемы. И достаточно грустные. Ибо для того, чтобы заболеть жаждой успеха, надо точно для себя определить, причем не только умом, но и сердцем, успеха у кого ты хочешь. Легко сказать: «Хочу успеха у авангарда». А где этот авангард?

Какое-то время мне казалось, что этот авангард сформируется из позднесоветской научно-технической интеллигенции. Потом эта интеллигенция поволоклась за разрушителями — частью за Сахаровым, частью за Солженицыным. И я достаточно решительно с интеллигенцией этой разорвал.

Судьба меня бросала, да и сам я не святой, Я сам толкал ее на поворот

— пелось в одной песне. Судьбу свою я в конце 80-х сам толкнул на поворот. Расторгнув отношения не только с равным к власти обезумевшим табуном мэнээсов, но и со своим зрителем. Повторю, это было сознательно принятое решение — разорвать со своим зрителем. Кто занимался режиссурой или играл на сцене, понимает, что такое решение принять непросто. Но я это сделал чуть ли не с радостью. Потому что не нужен мне был этот интеллигентный зритель сам по себе. Ну не нужен и все. Мне нужен был авангард. А если этот зритель не стал авангардом, то шел бы он куда подальше.

Консервативно-почвенные группы, с которыми после этого меня связала судьба, играли в жизни страны, тонущей в пучине регресса, очень позитивную роль. Но я всегда понимал, что эти группы никогда не смогут и не захотят стать авангардом чего бы то ни было. Кроме того, я точно знал, что, придя в мой театр, читатель, восхищающийся моими статьями в газете «Завтра», в лучшем случае будет растерянно расхваливать качество мизансцен, света, игры и так далее. И понятно, почему. Потому что спектакли мои — это мистерии сотворения авангарда. А читатель газеты «Завтра», способный дать восторженную оценку моей патриотической аналитике, в большинстве своем не просто неавангарден, а принципиально антиавангарден.

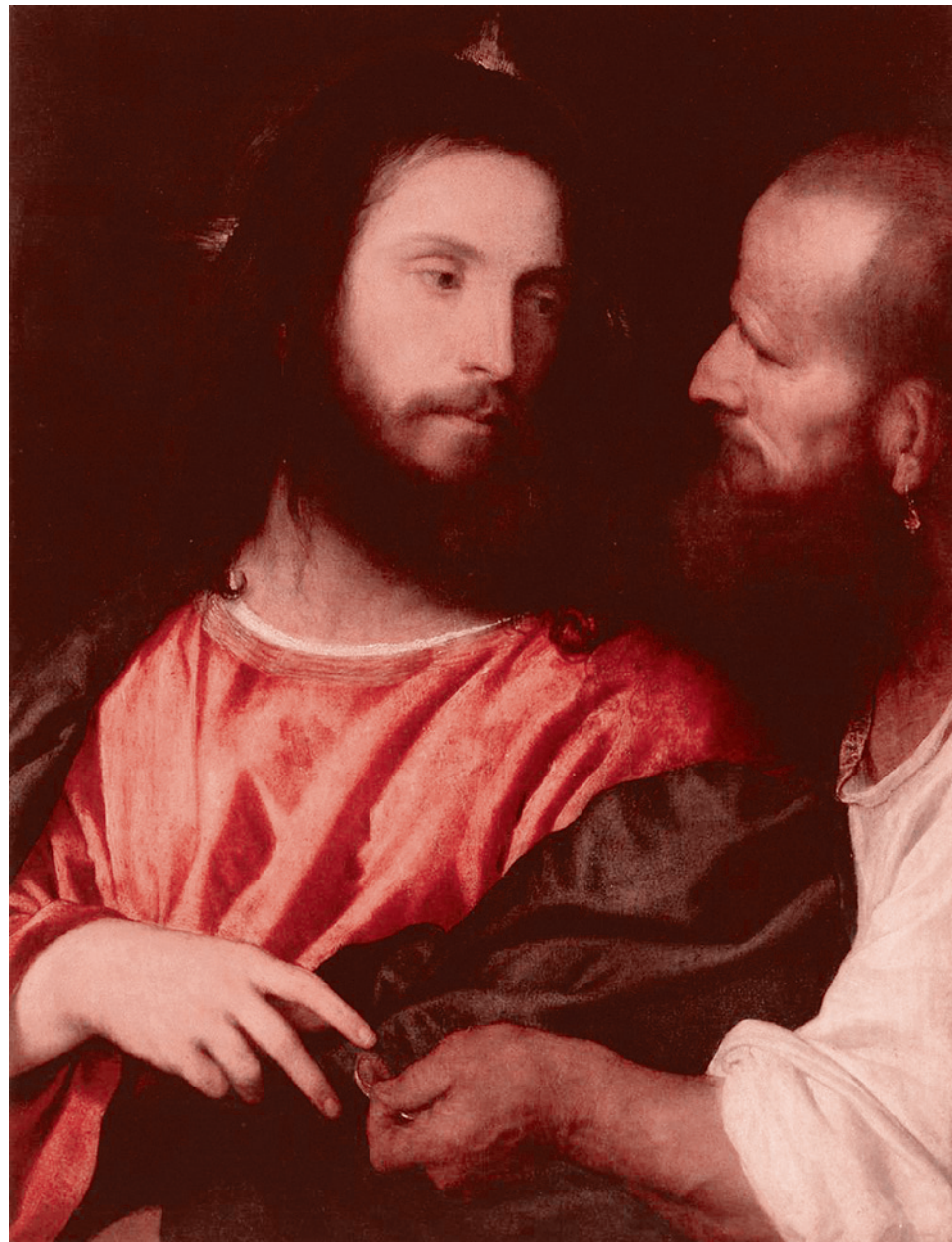
Желая быть верно понятым, подчеркну, что имею в виду не театральный авангард. Театр «На досках» никогда не был по сути своей авангардистским — в театральном смысле слова. Говоря об агрессивной антиавангардности большинства читателей газеты «Завтра», я имею в виду именно антиавангардность политическую. Ибо эти читатели ну уж никак не хотели превращаться в локомотив для нового исторического рывка. Они хотели очень хороших и правильных вещей. В сущности, тех же, что и я. Они хотели, чтобы страна не разваливалась. Чтобы историческая жизнь народа не была подменена разного рода потребительско-прозаической низкопробностью. И так далее. Но обеспечить всё это должна была всё та же волшебная веревочка.

Приходя на мои спектакли, искатели волшебной веревочки оной не находили. И очень огорчались. Еще больше они огорчались от того, что вместо искомой волшебной веревочки им предлагали некую нелинейную мобилизацию и авангардную роль.

Передачи «Суд времени» и «Исторический процесс» резко выпихнули меня за тот авангардистский контур, который я сам себе

задал. (Вновь подчеркну, что имею в виду авангард политический, а не художественный.)

Конечно, круг любителей и любительниц культовых сериалов шире, чем круг любителей и любительниц вышеназванных телешоу. Но и у этих телешоу была весьма солидная аудитория. Меня стали узнавать на улицах, благодарить. Если бы я хотя бы частицей естества своего стремился к выходу за выбранный мною авангардистский контур, — пиши пропало. Синдром успеха впился бы в меня, что называется, по полной программе. Но я к выходу за авангардистский контур, мною выбранный именно как судьба, не стремился никогда настолько, что успех существовал как-то совсем отдельно от меня. В такой степени отдельно, что вприору было о субъекте этого успеха говорить «он».

Одна из любимых картин Достоевского — «Динарий кесаря» Тициана (1516)

Нет, основная опасность телеристалищ и телепобед — в другом. В том, что ты становишься заложником простоты, навязанной тебе теми, с кем ты сражаешься. Тебе всё время навязывается агрессивная, лживая простота. Она же пропагандистские мифы, транслируемые обществу либеральными и иными антисоветчиками. Мифы, сооруженные ненавидящими страну умелыми инородцами. Ты уничтожаешь один такой миф, другой... сообщая людям важные сведения. Но при этом лишаешься способности сделать следующий шаг. А без этого следующего шага невозможно ничто. Ни формирование авангарда, ни телетелевизионные победы над легионами сванидзе и млечинных, ни спасение России, ни... Ни, представьте себе, спасение того самого гуманизма, которому посвящен данный цикл статей.

Потому что нельзя спасти старый гуманизм. Его можно только любовно отпеть, оставив в душе своей ценнейшие отпечатки отпетого. Нужен новый гуманизм. Или он — или победа над гуманизмом того начала, которое я уже назвал в этом цикле врагом человечества.

Или формирование в России гуманистического авангарда, способного повести за собой большинство... Авангарда, воодушевленного идеей нового гуманизма и нового человека... Авангарда, способного перевести эту невнятно сложную идею на язык большинства, не расплескав в ходе перевода суть идеи...

Или формирование такого авангарда в России (а где еще-то?) — или окончательное умирание старого гуманизма, крах гуманизма вообще и... И формирование глубоко постгуманистической и антигуманистической системы, то бишь ада на земле.

«Но построение ада на земле — это чересчур амбициозный проект, — возразит читатель. — И нельзя обсуждать этот проект, не указав на того, кто хочет его реализовать».

Легко сказать «указать» на субъект, осуществляющий проект «Ад на земле»!

Если есть он, этот субъект, то есть тот, кто хочет и может построить ад на земле, то он не так глуп, чтобы напрямую заявлять о своем намерении. Он будет до часа Ч держаться в тени и свой проект, и уж тем более себя — того, кто этот проект осуществляет.

чрева и описаниям параметров чрева, то ничто не помешает чреву плодоносить. И гад под названием «ад на земле» выйдет из чрева еще до 2020 года.

Поэтому давайте оговорим, что аналитика субъекта — как классовая, так и иная — должна быть чем-то дополнена. Не отменена — категорически настаиваю на невозможности отмены такой аналитики, на недопустимости пренебрежительного к ней отношения — а именно дополнена. И в общем-то понятно, чем именно она должна быть дополнена.

Прежде всего, признанием того, что враг гуманизма — это враг человечества. Такое признание всегда должно сопровождаться определенными разъяснениями. Мы вновь и вновь (к вопросу о роли повторения в политике) должны подчеркивать, что гуманизм — это не антирелигиозное изобретение эпохи Возрождения. И не заумные упражнения филологов Средневековья, пытавшихся заново прикоснуться к античному наследию. Что христианский, исламский и иной гуманизм не выдумка. Что корни гуманизма уходят в преторию человечества. Что катастрофа гуманизма будет катастрофой для всех, кто верит в человеческое восхождение. Что нельзя отделить проект «Гуманизм» от проекта «Человек» и так далее.

Но предположим, что мы сделали эту оговорку и, повторив ее многократно с очень разными вариациями, добились общественного понимания. Что дальше? Дальше надо исследовать — причем отнюдь не только рационально — этого самого врага человечества.

Нерациональное исследование... Что это такое? Это, во-первых, исследование, используемое вместе с языком понятий (вне которого нет исследования рационального) еще и ряд других языков. Религиозный, например (существенно опирающийся не на понятия, а на символы, образы). И язык культуры. Ведь не обязательно признавать культ для того, чтобы задействовать культуру в постижении чего бы то ни было.

Вы можете быть христианином и относиться к врагу человечества сообразно вашему вероучению. А можете быть человеком светским. Но будучи таковым, вы ведь впитали в себя дух христианской культуры, не правда ли? Вы читали Достоевского... Читали Гёте... Читали Томаса Манна... Мало ли еще кого.

Но не могли же вы, читая Достоевского с той интеллектуальной страстностью, с какой только и можно его читать, миновать роман «Братья Карамазовы». А читая роман «Братья Карамазовы», вряд ли вы, даже будучи сугубо светским человеком, холодно перелистывали те страницы романа, где Иван Карамазов беседует с чертом. А он ведь с ним, с этим самым чертом, то бишь врагом человечества, ведет очень развернутую беседу. После которой, уже давая показания в суде, отвечает на вопрос о том, есть ли у него свидетель, ясно и недвусмысленно. Мол, свидетель есть, да вряд ли его показания почтенный суд примет в качестве доказательных. Когда же Ивана спрашивают, о каком свидетеле идет речь, тот отвечает, что свидетель этот... «...с хвостом, ваше превосходительство, не по форме будет! ...Не обращайте внимания, дрянной, мелкий чорт... он наверно здесь где-нибудь, вот под этим столом с вещественными доказательствами, где же ему сидеть как не там?»

Конечно же, суд окончательно убеждает в том, что Иван Карамазов спятил. Но читатель, если он всерьез задет Достоевским, не может повести себя так, как этот самый почтенный суд. Он ведь, читатель, уже пережил и разговор Ивана Карамазова с чертом, и разговор того же Ивана с братом Алешей, в ходе которого Алеше была рассказана Притча о Великом Инквизиторе, явно продиктованная Ивану всё тем же чертом.

Пусть читатель, будучи, повторяю, светским человеком, не сводит сущность, именуемую «черт», к конкретному существу, про которое Иван, без иронии говорит, что оно «...с хвостом, ваше превосходительство, не по форме будет». Но ведь не может читатель, веря Достоевскому и его пророчествам, вообще проигнорировать присутствие в романе «Братья Карамазовы» некоей сущности, именуемой чертом. Не может он проигнорировать и того, что создавая этот образ, Достоевский явно разрабатывает тему врага человечества.

Продолжение — на стр. 4

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение — со стр. 3

Ведь и Великий Инквизитор, притча о котором была продиктована Ивану Карамазову врагом человечества, тоже не случайно появляется у Достоевского. Его появление знаменует собой глубочайшую интуицию гения по поводу пришествия врага человечества. Премудрого духа, как его называет Инквизитор, сообщая Христу, что этот дух был прав. И преисполненные сознанием этой его правоты силы, говорящие якобы от имени Христа, на самом деле реализуют проект врага человечества по разделению этого самого человечества на миллионы счастливых, не ведающих о своем уделе недолюдей и тысячи «страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла».

Итак, проект Великого Инквизитора... Он же, как это признает сам Инквизитор, проект врага человечества... Он же — проект «счастливого дитя» (о котором говорится реже, ибо произносилось это словосочетание, мы уже входим в сферу закрытого)... Разве читатель не узнает во всем этом проект многоэтажного человечества, он же — гностический проект?

Вкратце напомним читателю, что именно было продиктовано Ивану Карамазову чертом в виде Притчи о Великом Инквизиторе.

В Притче описано второе пришествие Христа, сотворение им чудес перед восхищенным народом. А также, как в ходе сотворения чудес появляется Великий Инквизитор. Он приказывает арестовать Христа и заключить его в темницу.

Народ подчиняется. Христа вновь арестовывают и заключают в темницу. Наступает ночь. И в темницу к Христу приходит Великий Инквизитор.

Он говорит Христу, что не сомневается в том, что разговаривает именно с Сыном Божиим, Спасителем и так далее. И что всё дальнейшее — поругание Спасителя, его сожжение на костре как худшего из еретиков — он, Инквизитор, будет совершать осознанно. Сообразуясь со своим представлением о благе. В основе же этого представления — переосмысление образа черта. Инквизитор называет черта премудрым духом и напоминает Христу о том, что этот премудрый дух дважды предлагал ему нечто, способное принести благо людям.

Первым из этих предложений является, по мнению инквизитора, обращение камней в хлеб. Поскольку человечеству нужен хлеб насыщенный, то узрев такое превращение, человечество пошло бы за Христом, избавившись от огромных мучений. Оно было бы благодарно и послушно Христу. И трепетало бы от мысли, что может в виде наказания лишиться хлеба. Мол, обидится на нас Христос, откажется творить чудеса превращения камней в хлеб, и мы — о ужас! — хлеба лишимся.

Инквизитор сообщает Христу, что понимает причину, по которой тот отказался от этого предложения премудрого духа, являющегося, по мнению Христа, дьявольским соблазном. Что он, Инквизитор, понимает нежелание Христа покупать послушание хлебом. Ибо такая покупка исключает свободу. А главный дар Христа — это свобода.

Сообщив о своем понимании нежелания Христа лишить человека свободы, Инквизитор далее пророчески описывает, как именно будет меняться мир. Что рано или поздно люди всё сведут к хлебу. И скажут, что только накормивший хлебом может потребовать от сытых людей добродетели. Он сообщает также, что все упования людей на науку, которая даст им очень много хлеба, бессмысленны. Потому что люди не поделят хлеб нужным образом, то есть не насытятся, если будут оставаться свободными.

Он сообщает также, что, поняв это, люди вновь призывают изгнанных ими ревнителей не свободы и отдадут им власть, дабы эти ревнители, усмирив строптивость в людях, сумели их накормить.

Или хлеб — или свобода — вот что, по мнению Инквизитора, в итоге окажется осознано человечеством. И при возникновении такой альтернативы человечество, как убежден Инквизитор, выберет несвободу и хлеб.

Но Инквизитор не был бы Инквизитором, то есть посланцем врага человечества, если бы ограничился такими простейшими констатациями. Проанализировав, как именно человечество будет осуществлять выбор между свободой и хлебом, Инквизитор усложняет задачу. Вводя в меню, как сказали бы сегодня, не только свободу и хлеб, но и совесть.

Инквизитор признает, что победят в итоге те, кто обольстит совесть. Потому что человеку надо не просто жить. Ему надо знать, ради чего он живет.

Далее Инквизитор упрекает Христа в том, что никакого устойчивого смысла, приравненного инквизитором к обольщению совести, Христос не дал.

Что он изложил человечеству нечто гадательное, неоднозначное.

Что человечество и прежде всего его тяготеющее к простоте большинство никогда не сможет освоить по-настоящему то, что предложено Христом.

Что Христом предложена явно непосильная для человечества задача.

Констатируя эту непосильность, Инквизитор обвиняет Христа в том, что тот не любит людей. Что, даже отдавая за них свою жизнь, он их не любит по-настоящему. Что, сообщая людям нечто непосильное, Христос как бы признает, что он приходит к избранным и для избранных (классическая гностическая версия и христианства, и любого вероучения).

Инквизитор, далее, признает и возможность того, что он неверно интерпретирует деяния Христа. Ибо эти деяния таинственны, то бишь не могут быть однозначно интерпретированы. Но признавая таинственность деяний Христа, Инквизитор настаивает на своем праве подражать Христу, а значит тоже вести себя таинственно. И утверждает, что последователи Христа, они же инквизиторы, всего лишь научились у него таинственности. И потому основали мир на чуде, тайне и авторитете. Ну основали они на этом мир, и что? А вот что.

«...Пройдут еще века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что, начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией. Но тогда-то и приползет к нам зверь и будет лизать ноги наши и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу и на ней будет написано: «Тайна!» Но тогда лишь и тогда настанет для людей царство покоя и счастья».

«...Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят перед такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих».

«...Слишком, слишком оценят они, что значит раз навсегда подчиниться! И пока люди не поймут этого, они будут несчастны. Кто более всего способствовал этому непониманию, скажи? Кто раздробил стадо и рассыпал его по путям неведомым? Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже раз навсегда. Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе как птенцы к наседке. Они будут дивиться, и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. Они будут слабленно трепетать знеба нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволим же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя. И возьмем на себя, а нас они будут обожать, как благодетелей, понесших на себе их грехи пред богом. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать

им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей, — всё судя по их послушанию, — и они будут нам покоряться с весельем и радостью. Самые мучительные тайны их совести, — всё, всё понесут они нам, и мы всё разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного. И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо уяснут во имя твое и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною. Ибо если б и было что на том свете, то, уж конечно не для таких как они. Говорят и пророчествуют, что ты придешь и вновь победишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими, но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а мы спасли всех. Говорят, что опозорена будет блудница, сидящая на звере и держащая в руках своих тайну, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее «гадкое» тело. Но я тогда встану и укажу тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред тобой и скажем: «Суди нас, если можешь и смеешь».

Все, кто мало-мальски знаком с антигуманистическими и антиисторическими вариантами обустройства жизни человечества «по ту сторону динамического хаоса», в котором мы уже фактически оказались, прекрасно понимают, что в приведенном мною фрагменте Притчи о Великом Инквизиторе изложен четкий и узнаваемый проект построения ада на земле. Он же проект «счастливого дитя».

Знал ли Достоевский что-то конкретное по поводу этого закрытого проекта или генерально извлекал будущее из наличествующего? Как минимум мы можем утверждать, что у Достоевского был один восхищавший его и столь же гениальный предтеча, который задолго до русского провидца описал нечто сходное. Вложив описанное тоже в уста Великого Инквизитора. Речь идет о Шиллере — гениальном немецком писателе и философе, фактически единственном писателе, которого Достоевский считал «небожителем Гёте», написавший «Фауста», ставил выше себя.

Великий Инквизитор в трагедии Шиллера «Дон Карлос, инфант Испанский» и Великий Инквизитор Достоевского... Параллель, которая притягивает многих в силу своей очевидности и одновременно загадочности.

Шиллеровский Великий Инквизитор заявляет, что Христос, Сын Божий, был распят «во имя справедливости извечной». Что если надо выбирать (а выбирать-то надо, считает он) между тленем и свободой, то лучше выбрать тлене.

И Шиллер, и Достоевский предупреждают человечество о том, что антигуманистический и антиисторический проект существует. Они настаивают на том, что есть субъект, реализующий этот проект. Великий Инквизитор Достоевского называет этот субъект «мы». Великий Инквизитор Шиллера прямо говорит об ордене как о субъекте, реализующем этот проект.

Каком ордене? Ведь не банально доминиканском, не так ли?

Впрочем, задавая этот вопрос, я забегаю вперед. Сейчас намного важнее установить, что обычный субъект, реализующий этот проект, всё время апеллирует к субъекту метафизическому, потустороннему. Если Великий Инквизитор Шиллера не говорит прямо о черте как создателе и реализаторе проекта, то Великий Инквизитор Достоевского говорит об этом с окончательной прямотой. Впрочем, и из речей шиллеровского Великого Инквизитора ясно, какой нездешней инстанции присягнул здешний орден, чьи цепи слишком опостыдели королю Филиппу II. Нездешняя инстанции, распявшая Христа «во имя справедливости извечной», — это та же инстанции, которая вложила в уста Ивана Карамазова Притчу о Великом Инквизиторе.

Мы понимаем, что речь идет об инстанции, которая для религиозного человека в первом приближении именуется чертом. Достоевский, повторяю, прямо к этому

адресует. А Шиллер почти что прямо. Но кто наиболее тщательно, тонко и глубоко разобрал эту инстанцию? Конечно же, Гёте в своем бессмертном «Фаусте». После Гёте все, кто вновь и вновь обращаются к образу черта как врага человечества (подчеркиваю — врага, а не друга), так или иначе следуют традиции Гёте. А потому эта традиция имеет особое метафизическое (да и политическое) значение.

Хотим всерьез обсуждать врага человечества и построение ада на земле — неминуемо начинаем погружаться во все, что связано с гётевским «Фаустом».

Ну, так вот... Нельзя одновременно сражаться со Сванидзе и Млечиним и обсуждать загадки творчества Гёте вообще и гётевского Фауста в первую очередь. Не синдром успеха является для меня издержкой необходимых сражений с банально антисоветскими силами, а синдром вовлеченности в аналитику примитива. Тебе предлагают даже не просто миф, а примитивную агитку. Ты понимаешь, что она губительным образом действует на сознание простых людей. И спасая это сознание (а как его не спасать?), начинаешь обмениваться ударами.

И какие бы сложные и тонкие средства ты ни применял для демонтажа примитивных антисоветских мифов, сама эта примитивность разоблачаемого будет втягивать тебя в упрощение. Рождают привычку к упрощению — раз для побед с таким-то счетом надо просто разоблачать незатейливую ложь, то будем разоблачать ее просто. И отсекаем всё слишком сложное. Тем более что даже самые простые твои разоблачения антисоветского примитива предельно сложны для телешоу, удел которого простота.

Поняв всё это, я противопоставил стихии нужных, но имеющих свой предел телешоу — антишоу «Суть времени». Я сделал ставку на сложность. Выяснилось, что есть те, кто ищут именно этой сложности. Они-то и вошли в «Суть времени». Сумеют ли они стать авангардом (или нарративом)? Не знаю. Но в их запросе есть хоть какой-то шанс на нечто подобное. А в остальном — никаких шансов.

И как только выяснилось, что некие антисоветские почвенники-патриоты в упрощенчестве своем дают триста очков вперед Сванидзе и Млечину, возникло две необходимости.

Первая — твердо заявить о том, что повторение прошлого невозможно. И что мы не будем дважды входить в одну и ту же воду.

Вторая — наращивать и наращивать вопреки всему именно то сложное, чего враг боится аки черт ладана.

Черт и сложность... Фауст и черт... Фауст и сложность...

Так что же все-таки имел в виду Сталин, написав: «Эта штука посильнее, чем «Фауст» Гёте (любовь побеждает смерть)»?

Ведь нельзя же ограничиваться в анализе этого высказывания только констатацией низости наших перестройщиков и постперестройщиков, искаживших фразу Сталина. Не имеем мы права так опрощаться, приковывая свой интеллектуализм к их простенькой клевете на историю. Ну скажем мы, что перестроечно-постперестроечная низость породила очевидную фальсификацию. Что мысль Сталина исказили, превратив ее в ахиною, а на самом деле... Стоп. Для того чтобы перейти от констатации в духе «Суда времени» (вы, голубчик, исказили текст Сталина) к чему-то более глубокому, нужен принципиально другой формат обсуждения. Его-то мы и создаем и вообще в газете «Суть времени», и в этом цикле статей. Создавая его, мы подводим черту под эпохой, когда главным занятием было разоблачение простеньких клеветнических упражнений противника.

Мы не отказываемся вовсе от таких разоблачений. Мы отказываемся от того, чтобы они оказались системообразующим элементом нашей дальнейшей идеологической, да и политической деятельности.

В чем сложный смысл высказывания Сталина? Об этом в следующей статье.

Сергей Кургинян

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Банки меняли доллары, купленные за государственные рубли, на гораздо большее количество уже подешевевших рублей и таким образом расплачивались с ЦБ за рублевые госкредиты. То есть? То есть продолжали дербанить!

Мировой кризис 2008–2009 годов и Россия

Как мы уже говорили в предыдущей статье, наиболее ответственная часть «чеккистской» элиты Путина несколько забеспокоилась о будущем лишь тогда, когда вслед за «оранжевой революцией» в Грузии разразились такие же революции на Украине и затем в Киргизии. Однако и эти «сигналы» были восприняты элитой не слишком серьезно. Чего, мол, бояться, если долги России снижаются, золотовалютные резервы растут, зарплаты и пенсии тоже, бунтовать, по большому счету, некому.

А пока что российские энергоносители — в цене, Европа на них подседа, так сказать, по полной программе. Экспортные доходы исправно пополняют казну и позволяют импортировать всё, что необходимо. Договорились до того, что у России особый экономический путь: она — энергетическая сверхдержава.

Когда наша власть забеспокоилась всерьез? Тогда, когда Европа, глубоко зависима от наших поставок газа (и потому ранее гораздо более «дружественная» России, чем США), начала всё более жестко требовать от Москвы соблюдать требования Энергетической Хартии ЕС (в частности, заставить Россию торговать на аукционах свободными трубопроводными мощностями) и ратифицировать Транзитный протокол к Хартии (в частности, дать независимым компаниям доступ к газопроводным сетям России за рубежом). То есть от России требовали исполнять европейские правила поставок и продаж газа и согласиться терять немалую часть экспортных доходов.

А далее сигналы о том, что пора видеть будущее не только в розовых красках, пошли один за другим.

Конечно же, и в России в целом, и тем более в околпутинских элитных кругах не осталось незамеченным появление в марте 2006 г. в ключевом американском внешнеполитическом журнале «Foreign Affairs» статьи, которая разъясняла, что российский ядерный потенциал быстро стареет и слабеет. И что вскоре США, развернув большую многофункциональную систему ПРО, смогут нанести по России победный ядерный удар без угроз для собственной территории.

За этими новостями — вряд ли случайно — в американской и затем в европейской прессе пошел нарастающий вал публикаций с обвинениями Путина в фактической ликвидации демократии в России. А далее эти обвинения дополнились утверждениями о том, что весь российский бизнес и вся российская власть — криминальны. Что и российские долларовые миллиардеры из списка «Форбса», швартующие стометровые яхты в Ницце, и российские чиновники, гуляющие с семьями по Анталю или Лондону, — все они приобрели свои состояния незаконными способами.

Путин ответил на рост американского давления знаменитым выступлением на мюнхенской Международной конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. Президент РФ заявил, что мир не может быть однополярным, напомнил, что Россию обманули, пообещав не продвигать НАТО к нашим границам, что США и НАТО развязывают войны, пренебрегая Уставом ООН, что США незаконно навязывают свои правовые нормы всему миру, что западные неправительственные организации незаконно финансируют в России оппозиционные политические силы в зарубежных интересах.

Американская пресса и политики отозвались на эту речь Путина беспрецедентно наглым и оскорбительным визгом (чего стоит, например, название статьи во влиятельной газете «Лос-Анджелес Таймс»: «Путин: вошь, которая зарычала»).

После этого российская элита должна была бы понять, что оглядываться на международный контекст просто необходимо. Особенно с учетом гигантского внешнего долга, который за «тучные годы» набрали крупнейшие российские корпорации и банки, а также американского тезиса о криминальности всех (особенно крупных) российских капиталов.

Но эта наша элита даже летом 2008 г., когда в США и Европе уже вовсю разворачивался финансовый кризис, успокаивала себя и граждан, что Россия кризис не затронет. И продолжала дербан. Нашу элиту не вполне

разбудила даже августовская война в Южной Осетии. Когда американские и украинские инструкторы руководили действиями грузинских войск, американские военные корабли вошли в Черное море, американские «спецпредставители» уговаривали президента Украины Ющенко вступить в войну против России, а мировая пресса буквально выла о том, что Россия совершила неспровоцированное нападение на мирную демократическую Грузию.

Между тем, признаки того, что нас мировой кризис уже очень даже затронул (и не только в Южной Осетии, и не только политически), были налицо. Начали падать цены на российские экспортные металлы. Фондовый индекс российской биржи РТС с мая по август 2008 г. — до эксцессов с Грузией! — снизился с 2370 пунктов до 1730 пунктов.

К концу 2008 года кризис проявился в России в полную силу. Цена экспортной российской нефти обрушилась со 140 долларов за баррель в июле 2008 г. до 40 долларов за баррель к началу 2009 г. — в 3,5 раза. Сальдо нашего торгового баланса стремительно ухудшалось. И Россия в начале января 2009 г. решила на крупный экономический и одновременно политический демарш — перекрыла поставки газа в направлении Украины, которая всё хуже расплачивалась со своими газовыми долгами.

Такое «наказание» Киева за его роль в конфликте России с Грузией сразу аукнулось в Европе, поскольку Украина не имела в своих хранилищах объемов газа, достаточных для прокачки регулярного российского газового экспорта на запад. И хотя долговой украинский кризис был уже к 20 января преодолен, и транзит российского газа через Украину возобновился, западные политики и СМИ обвинили в стремлении «заморозить Европу» именно Россию.

Начавшееся с конфликта с Грузией резкое обострение политических отношений Москвы с Западом наиболее отчетливо сказалось на капитализации российского фондового рынка. Индекс российской товарно-сырьевой биржи РТС с докризисного пика в 2370 пунктов к январю 2009 года рухнул до 560 пунктов: биржевая цена российских активов упала более чем в 4 раза! То есть, стало понятно, что иностранные инвесторы лихорадочно выводят свои деньги из России.

Вот тут-то перед российской — глубоко закредитованной за рубежом — экономикой во весь рост встала проблема переоценки обеспечения кредитов.

Суть проблемы в том, что кредиты практически всегда выдаются под так называемое «обеспечение возврата». То есть, как правило, в переговорах о кредите указывается, сколько стоят на фондовой бирже акции определенной компании, и кредит выдается под залог акций. Если, например, суммарная стоимость акций компании на бирже в момент заключения кредитного соглашения составляет \$1 млрд, а компания просит кредит в \$200 млн, то кредитор выдает такой кредит под залог примерно 30% акций компании (с учетом риска того, что текущая стоимость этих акций — \$300 млн — может снизиться).

А что происходит, если фондовый рынок рухнул, и стоимость акций упала, как в России на пике кризиса, в 4 раза? Тогда биржевая стоимость рассматриваемой компании уже

не \$1 млрд, а всего-навсего \$250 млн. И тогда кредитор требует либо срочно вернуть долг, либо внести за кредит дополнительный залог в \$50 млн к уже переданным ему акциям (и это еще не самый плохой случай), либо... Либо требует передать кредитору в качестве обеспечения по кредиту еще примерно 50% акций (30+50% акций от \$250 млн стоимости подешевевшей компании — это как раз \$200 млн кредита). И если это требование удовлетворить, зарубежный кредитор фактически становится реальным и полномочным хозяином той российской компании, которая брала кредит.

Поскольку к началу 2009 г. в такой ситуации оказалась огромная часть крупнейших российских частных и государственных корпораций и банков, их «самоспасение» в режиме кредитной переоценки биржевой стоимости означало бы фактический переход под контроль зарубежных заимодавцев львиной доли нашей экономики.

С таким исходом властная команда Путина-Медведева (последний в мае 2008 г. заступил на пост президента), естественно, согласиться не могла — по трем основным причинам.

Первая причина — в том, что это означало бы катастрофическую утрату Россией экономического (а затем, конечно, и политического) суверенитета.

Вторая причина — в том, что такая «экономическая катастрофа» не могла не разрушить основной политический капитал власти — систему базовых массовых представлений о благополучном развитии России. Которая «встала с колен», «вышла на прямой путь создания эффективной рыночной экономики», «становится полноценным социальным государством», и так далее.

Третья причина — в том, что значительная часть «иностранных» кредитов была фактически получена российскими корпорациями у себя самих — от своих корпораций и банков, зарегистрированных в зарубежных оффшорах. То есть было понятно, что российские (преимущественно староевельдинские) олигархи таким способом могут нарастить клановый экономический потенциал и в результате вернуть себе сначала экономическую, а затем и политическую власть.

Потому власть начала оперативно реагировать. То есть защищаться от кризиса и спасать крупнейших российских должников.

Как реагировать и как спасти?

Власть начала через ЦБ и Минфин кредитовать из резервов крупнейшие российские банки, чтобы у них было достаточно денег для предоставления кредитов нуждающимся российским предприятиям. Власть начала сокращать траты валюты, снижая объемы импорта. А еще — для того, чтобы российские предприятия могли как-то выживать в конкуренции на внешнем и на внутреннем рынке, — власть начала девальвировать рубль. Если в июле 2008 г. доллар стоил 23,1 рубля, то в феврале 2009 г. его цена поднялась до 36,1 рубля. При этом этот процесс подстегивала массивная скупка долларов населением — для защиты от девальвации своих рублевых сбережений.

Однако банки вместо того, чтобы кредитовать предприятия, любыми способами конвертировали полученные от ЦБ рубли

в валюту и переправляли за рубеж (продолжали дербанить!). То есть, вместо расширения внутреннего кредитования Россия получила нарастающую утечку капитала. Чистый отток капитала из России, по данным ЦБ, в 2008 г. составил \$133,7 млрд, в 2009 г. — \$56,1 млрд.

Рубль стал падать очень быстро. Памятуя о катастрофическом психологическом эффекте девальвации в кризисе 1998 года, кабмин и ЦБ начали тратить резервы на то, чтобы рубль не рухнул. А банки меняли доллары, купленные ранее за государственные рубли, на гораздо большее количество уже подешевевших рублей и таким образом расплачивались с ЦБ за рублевые госкредиты. То есть? То есть и здесь продолжали дербанить!

Международные резервы тратились и на то, чтобы спасти от зарубежного захвата крупнейшие корпорации. Им также выдавались для приоритетных расплат с иностранными долгами огромные долгосрочные кредиты.

Отметим, что в начале кризиса этих трат из «валютной подушки безопасности» власть не боялась. Почему? Дело в том, что по итогам мирового кризиса 1997–1999 гг. для оценки стабильности валютного состояния стран в МВФ был разработан так называемый «критерий Редди»: международные резервы страны должны превышать сумму годовых выплат по внешнему долгу плюс стоимость импорта в течение трех месяцев. Для России критерий Редди на конец 2008 г. был равен \$210 млрд, то есть был намного меньше международных резервов (около \$600 млрд).

Однако выяснилось, что только за январь 2009 г. наши резервы похудели на \$40 млрд. Стало ясно, что такими темпами их можно проесть за год с небольшим.

И тогда был включен «режим экономии»: сокращение социальных выплат, госзакупок, трансфертов на поддержку депрессивных регионов, задержки зарплат бюджетникам и т.д. А также — направление значительной части снизившихся валютных поступлений в похудившие международные резервы (они в первой фазе кризиса потеряли около 200 млрд долл.). Фактически была проведена дополнительная посадка на голодный паек всего кризисного российского хозяйства.

Каков результат? Российский экспорт уже к маю 2009 г. снизился по сравнению с маем предыдущего года на 45,1%, импорт — на 44,6%. Положительное сальдо торгового баланса упало почти вдвое — с \$153,4 млрд в 2008 г. до \$91 млрд в 2009 г. Резко снизилось промышленное производство, особенно сильно (падение на 32%) пострадало производство машин и оборудования, автопром рухнул более чем в два раза. ВВП России в 2009 г. снизился по сравнению с 2008 г. в рублях на 7,9% (а если считать в долларах по курсу — на 26,4%!).

Уровень безработицы официально повысился с 6,2 до 8,3% (по независимым оценкам, с учетом скрытой безработицы и частичной занятости — до примерно 15%). За счет девальвации рубля резко упали реальные доходы и сбережения населения.

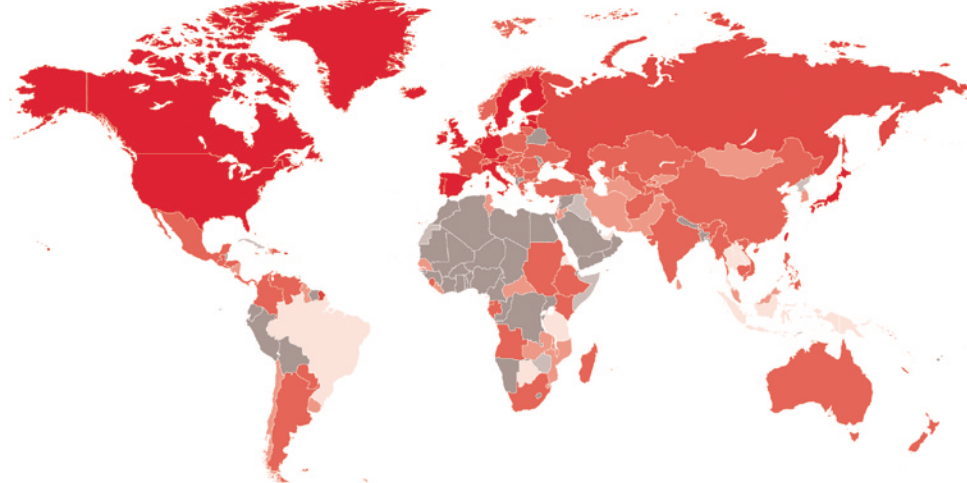
Кризис ясно показал, что хозяйственно-экономическая система якобы «благополучной» России — крайне неустойчива и очень зависима и от внешнеэкономической (в первую очередь сырьевой) конъюнктуры, и от «дерибанного» поведения на российском фондовом и кредитном рынках зарубежных инвесторов и отечественных олигархов.

Россия начала потихоньку оправляться от первой кризисной волны лишь во второй половине 2009 г. Тогда цены на нашу нефть на мировых рынках перевалили за 70 долларов за баррель, когда основные крупные корпорации выбрались — при помощи власти — из наиболее острой долговой ловушки, и когда российские банки — под давлением власти — умерили свои аппетиты по накоплению валютной кубышки и переводу валюты за рубеж.

Однако заявления власти и экспертов конца 2009 — начала 2010 гг. о том, что и мир, и Россия благополучно преодолели кризис, не имели отношения к реальности. Кризис — и экономический, и политический, и в России, и в мире, — продолжался и усугублялся.

Юрий Бялый

Страны, захваченные мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Отношения КГБ и Бахтина никак не вписываются в схему «одна сторона строит козни и преследует, а другая мученически претерпевает»... Было время, когда наиболее серьезную, участливую и деятельную помощь ученому оказали КГБ и его тогдашний председатель Юрий Андропов

Бахтин и «нечто»

Есть ли факты, свидетельствующие, что между Андроповым и Бахтиным существовали какие-то отношения? Безусловно. При содействии председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова М. М. Бахтин был в 1969 году «вызволен» из Саранска, помещен в правительственную Кремлевскую больницу на лечение, а спустя некоторое время обустроен в Москве.

Отметим, что активный период жизни Бахтина в Саранске (где он провел почти четверть века) завершился гораздо раньше его отъезда из столицы Мордовии — в 1961 году, когда Бахтин, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы историко-филологического факультета Мордовского государственного университета, вышел на пенсию. Случайно так получилось или нет, но момент официального завершения трудовой деятельности Бахтина совпал с началом совсем нового этапа его жизни.

Как мы уже обсуждали ранее, в июне 1961 года Бахтина посетили в Саранске В. Кожин и двое его соратников по ИМЛИ (Институту мировой литературы): С. Бочаров и Г. Гачев. Ну посетили и посетили. Мало ли кто кого посещал в 1960-е годы. И Кожин, и Бочаров, и Гачев — всего лишь младшие научные сотрудники, которые ну уж никак не могут в 1961 году организовать какую бы то ни было раскрутку Бахтина. И тут «либо — либо». Либо они являются первыми промоутерами раскрутки Бахтина — притом, что любая такая раскрутка идеологически сомнительного филолога и филолога может осуществляться только очень могущественными силами. Либо они обречены на роль сентиментально-беспомощных визитеров. Нанесли визит, поахали, поахали — и удалились.

Анализ дальнейшего хода событий показывает, что Кожин и соратники появились в Саранске именно как промоутеры, посланные некими могущественными силами. Сразу после визита первых промоутеров началась ошеломительная для той эпохи раскрутка Бахтина, с давних времен числившегося в антисоветчиках. После многих лет молчания в прессе появились упоминания о Бахтине. Началось массовое паломничество к Бахтину в Саранск. Кто-то очень влиятельный дал добро на издание книг Бахтина и в СССР, и за рубежом...

Итак, началось мощное и загадочное продвижение Бахтина. Да, загадочное! Потому что мощное продвижение бывшего политссыльного, осужденного по делу антисоветской организации, в эти годы требовало, подчеркнем еще раз, очень специфического покровительства и фактически было по плечу только одной советской организации — КГБ СССР.

В мае 1966 года кафедра русской и зарубежной литературы Мордовского госуниверситета единогласно выдвинула Бахтина на соискание Ленинской премии 1966–1967 гг. по совокупности научных трудов.

Год спустя, в мае 1967 года, вышло Постановление Президиума Ленинградского городского суда о реабилитации Бахтина.

И, наконец, осенью 1969 года Бахтина «забрали» в Москву.

О причастности Ю. Андропова к этому событию много кто говорил: Юлиан Семенов, Евгений Киселев... За подробностями в очередной раз отсылаю читателя к циклу статей С. Кургияна «Кризис и другие», где эта тема рассмотрена. Я же во избежание повторов приведу другие свидетельства.

С. Конкин, близко знавший Бахтина по работе в Саранске, пишет: «...один из его [Бахтина] московских друзей той поры [имеется в виду Кожин — А.К.] организовал (через посредство тогдашнего шефа КГБ Андропова) поездку Михаила Михайловича и его жены Елены Александровны на лечение в Кремлевской больнице. От такого соблазна супругам трудно было удержаться».

Вопиющая странность помещения опального Бахтина в Кремлевскую больницу не обсуждается никем из исследователей. Все проходят мимо этого удивительного факта, игнорируя реальность эпохи. Между тем организовать защиту диссертации можно, даже

не опираясь на сверхвлиятельную поддержку. Организовать переезд в Москву можно, опираясь на поддержку очень влиятельную, но объяснимую. А организовать лечение в Кремлевской больнице, казалось бы, просто невозможно. Тут и Брежнев было бы недостаточно, да у него и язык не повернулся бы распорядиться о помещении в Кремлевку лица, которому там не место. Зачем этому лицу в Кремлевку? Мало ли в СССР прекрасных больниц? Чего стоила академическая больница, куда поместить Бахтина не составляло никакого труда. А поместить его в Кремлевку было и невозможно, и незачем. Но ведь его поместили! Кстати, и сам Бахтин должен был бы отказаться от такой необъяснимой услуги, знаменующей его вхождение в номенклатуру де-факто, не сопровождаемое таким вхождением де-юре (что опять-таки было невозможно).

Но вернемся ненадолго к Конкину. Только для того, чтобы зафиксировать, что он, следуя уже знакомой нам — и отрицаемой нами — схеме, приписывает «чудо вызволения» Бахтина лично Вадиму Кожину. Нисколько не смущаясь тем, что упоминание о возможности Кожина, скромного сотрудника ИМЛИ, задействовать для решения этой задачи аж самого председателя КГБ СССР выглядит по меньшей мере странно. Что это за литературовед такой, которому помогает всеисильный шеф КГБ? Еще раз — зачем шефу КГБ помещать Бахтина в Кремлевку? У него свои медицинские учреждения есть. А также неограниченное влияние во всех медицинских учреждениях страны. Конкин, однако, таким вопросом не задается. И, соответственно, не отвечает на него.

Что-то пытается придумать другой исследователь — Д. Урнов. Он, описывая «вызволение» Бахтина, сообщает новые, еще не знакомые нам подробности: «Из Саранска Бахтина вызволили, как известно, благодаря Ире Андроповой. Ирина Юрьевна работала редактором в «Молодой гвардии», в редакции «Жизнь замечательных людей»... Работая в комсомольском издательстве, дочь главы советской секретной службы попала под влияние молодых ленинцев, впадших в настроения ретроградные, и вот она... упростила всеисильного своего отца перевести ссыльного мыслителя в Москву...»

Нетрудно догадаться, кто эти самые «молодые ленинцы, впадшие в настроения ретроградные». «Вадим, всё Вадим! [Речь идет, как читатель уже понял, о Кожине — А.К.] При большом желании и неистребимой энергии у нас можно было выдать что угодно с марксизмом несовместимое за что угодно с тем же марксизмом очень даже совместимое. Под напором Вадима молодогвардейцы дружно взялись за Иру, Ира — за отца, а отец... Чего только ради родного дитя

не сделаем?... Глава КГБ и его карательное ведомство, некогда убравшее Бахтина с поля идеологической битвы и загнавшее его за Волгу, извлекли выдающегося истолкователя «Преступления и наказания» с берегов великой реки и перенесли на берега реки поуже, но политически поважнее — в клинику Четвертого управления. Конечно, Андропов не просто внял просьбам дочери. Налицо были результаты усилий Вадима, благодаря которым ссыльный из Саранска заслонял горизонт уже международный».

До чего же живуча схема, согласно которой Бахтина «извлек из забвения» лично В. Кожин! Что характерно, эта схема раз за разом воспроизводится различными авторами (часто даже не осознающими, что они следуют некоему навязанному шаблону) вопреки ее абсурдности! Между прочим, это свидетельствует о высоком мастерстве специалистов, осуществивших информационно-психологическую операцию по внедрению данной схемы.

Почему я называю эту схему абсурдной? Потому что, если принять ее, получается, что вся комбинация с перемещением Бахтина из безвестности на вершину мировой славы (а также с географическим перемещением Бахтина из Саранска в Москву) удалась благодаря умелому воздействию Кожина, влюбившегося в творчество Бахтина, на двух дочек.

Во-первых, на дочку всеисильного критика сталинской эпохи Владимира Ермилова (а по совместительству — жену Кожина) Елену, которая из любви к Кожину уговорила папу посодействовать Кожину в продвижении Бахтина. А тот из любви к дочке задействовал все свои немалые связи для того, чтобы книги Бахтина были опубликованы не только в СССР, но и за рубежом (так что к концу 1960-х Бахтин «заслонял горизонт уже международный»).

А во-вторых, на дочку всеисильного шефа КГБ Юрия Андропова Ирину, которая, подвергшись обработке кожиновской компании, попросила папу позаботиться о здоровье опального гения Бахтина и обеспечить последнему лечение в клинике, предназначенной для высшего политического руководства страны, а заодно посодействовать Бахтину в получении московской квартиры... И Андропов — из любви к своей дочке Ирине, а также с оглядкой на международную известность Бахтина (которую тот приобрел благодаря любви папы-Ермилова к своей дочке Елене, любящей Кожина, влюбившегося в творчество Бахтина) — всё это сделал: и в клинику Четвертого управления Бахтина разместил, и в получении московской квартиры ему посодействовал...

Ты не находишь, читатель, что версия, в которой первопричиной вызволения Бахтина

из Саранска оказывается всеобъемлющая любовь (Кожина — к творчеству Бахтина; Елены Ермиловой — к Кожину; Владимира Ермилова — к дочери Елене; Ирины Андроповой — опять же к творчеству Бахтина (ее заразили этим чувством соратники Кожина); Юрия Андропова — к дочери Ирине), слишком приторна, чтобы походить на правду?

Предлагаю выслушать другую версию и, что немаловажно, — версию человека, глубоко уважающего Бахтина. Я имею в виду В. Турбина, который плотно общался с М. Бахтиным в тот же период, что и Кожин. Кстати сказать, Турбин был преподавателем Ирины Андроповой на филологическом факультете МГУ. Есть еще и такая версия: именно Турбин «обработал» Ирину, подтолкнув ее к заступничеству перед отцом за Бахтина.

Напомню читателю, что мы уже знакомы с оценками Турбина. В частности, в одной из статей я приводила его высказывание о том, что для всякого, кто мечтал спастись от марксизма, Бахтин стал символом «внутренней эмиграции». Сам Турбин тоже «эмигрировал от марксизма» в Саранск, к Бахтину, «потому что Париж не гарантировал мне избавления от великого учения, а Саранск к избавлению вел...».

Так вот, этот же самый Турбин в 1991 году (то есть в разгар перестройки, когда о гениальности Бахтина, затравленного советской системой, не писал только ленивый) заговорил о том, что его настораживает нарастающая тенденция «сделать жизнеописание Бахтина политической мелодрамой». В статье «Михаил Бахтин или Павлик Корчагин?» (см. «Литературную газету» от 8 мая 1991 года) Турбин указал на намеренное искажение фактов биографии Бахтина в публицистике. В частности, разобрал посвященную Бахтину статью Н. Вирабова, опубликованную в «Комсомольской правде» от 30 марта 1991 года.

Что же вызвало негодование Турбина? Полное игнорирование реальности.

В статье Вирабова говорится, например, что «органы» отправили Бахтина, арестованного по делу организации «Воскресение», в Соловецкую тюрьму. И вот в этой-то Соловецкой тюрьме «тянулись жуткие дни, доносы, допросы, беды сваливались одна за другой...», — пишет Вирабов.

Но Бахтин никогда не был на Соловках! — восклицает Турбин. Да, его должны были туда отправить, «но, видимо, кто-то помчался в Москву, в те же «органы», в ОГПУ. Убедил, отмолил: ограничилось Казахстаном [Бахтин был в итоге сослан в Кустанай — А.К.]. Стало быть, на Лубянке отыскался человек, внявший мольбам, а по тем временам подобное послабление требовало немалого риска».

Ставлю простой вопрос, за ответ на который дала бы очень много: кто этот человек?

И вообще, продолжает Турбин, отношения Бахтина с ОГПУ, а впоследствии с КГБ — «удивительный случай» описанного Бахтиным «диалога». Какого диалога? Диалога элитных групп? Турбин пишет про эти отношения, что «никак не вписываются они в схему: одна сторона строит козни, преследует, а другая мученически претерпевает. Вероятно, в который раз выходя из моды, не могу не сказать: было время, когда наиболее серьезную, участливую и деятельную помощь ученому оказали КГБ и его тогдашний председатель Юрий Андропов».

На момент ареста Бахтина Андропов был никем. И для того, чтобы нечто могло спасти Бахтина в момент ареста и вознести его в 1960-е годы, это нечто должно длиться во времени. А так не длились во времени даже спецслужбистские кланы. Ну и что же это за «нечто»?

Об этом в следующей статье.

Анна Кудинова

Ю. В. Андропов с семьей — сыном Игорем, супругой Татьяной Филипповной и дочерью Ириной. 1974 год.

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Главным ресурсом и для индустриализации, и для победы в войне стала духовная энергия народа, волна патриотического подъема и трудового энтузиазма, которую большевики сумели вызвать и поддерживать в течение многих лет

Наука и обороноспособность в России. Проверка Великой Отечественной

СССР активно и целенаправленно готовился к грядущей войне. Готовился, естественно, к обороне, а не к нападению. Но от этого легче не становилось: вооружение и военную технику всё равно надо было создавать, запускать в серию, наращивать производство. Тяжелую и легкую и пищевую промышленность необходимо было развивать, строить новые и переоборудовать современными станками старые заводы.

В годы двух первых промышленных пятилеток в строй вступило около 6 тысяч крупных предприятий, то есть 600–700 объектов ежегодно. Темпы роста тяжелой промышленности были в два-три раза выше, чем за 13 лет развития России перед Первой мировой войной.

А ведь кроме заводов и фабрик восстанавливали и совершенствовали инфраструктуру страны (прежде всего речную и железнодорожную), развивалось жилищное строительство, строились объекты культуры, науки и здравоохранения, прокладывались сети автомобильных дорог, проводилась электрификация, осваивался Северный морской путь, шло колхозное строительство (благодаря росту числа МТС и увеличению поставок сельхозтехники три четверти пахоты производились тракторами, а половина уборки зерновых — комбайнами).

Велика была роль ученых в организации и проведении индустриализации. После первой пятилетки выяснилось, что крайне медленно шло освоение нового производства: не хватало подготовленных кадров, не были четко налажены связи между предприятиями. Невысока была и производительность труда (за первую пятилетку она поднялась всего на 5%). Во второй пятилетке был выдвинут лозунг «Кадры, овладевшие техникой, решают все!».

Вводился обязательный минимум технических знаний для рабочих сотен специальностей. Заводы и фабрики обросли сетью школ и курсов по профессиональному обучению — это был так называемый фабзавуч, аналог западных политехнических школ. Причем преподавание там было на довольно высоком уровне: преподавались как теория (черчение, химия, технология и пр.), так и практическое освоение современной машинной техники и элементов современной организации труда. Фактически всё это заводское образование обеспечивал инженерный корпус. Благодаря в том числе и этим мерам, рост производительности труда во второй пятилетке составил 67%.

Современный западный историк пишет: «Как видно из воспоминаний о тех годах, мощным стимулом для множества людей служила мысль о том, что за короткий срок ценной изнурительной тяжелой работой можно создать лучшее, то есть социалистическое, общество».

В результате двух завершённых пятилеток страна обрела потенциал, который по отраслевой структуре и техническому оснащению в основном находился на уровне передовых капиталистических государств. Третья пятилетка должна была продолжить поступательное промышленное развитие страны... но она была прервана войной.

Как ни готовилась страна к войне, всё равно она началась в условиях, выгодных для фашистской Германии и невыгодных для Советского Союза.

Задолго до нападения гитлеровская Германия осуществила милитаризацию своей экономики, а затем усилила ее экономическими и военными ресурсами почти всей Западной Европы. Германия использовала весь арсенал вооружений, запасы металла, стратегического сырья, металлургические, военные, автомобильные, авиационные и другие заводы оккупированных стран и своих союзников. К моменту нападения на СССР военно-экономические ресурсы Третьего рейха примерно в 2–2,5 раза превосходили оборонно-экономические ресурсы Советского Союза.

Звено штурмовиков Ил-2 из состава 6-го гвардейского штурмового авианолка во время боевого вылета. 1944 г.

Западным историкам и советологам кажется непостижимым, что при тяжелейших неудачах на фронте в первые месяцы войны, при крайнем дефиците стратегического сырья, прежде всего стали, чугуна, угля, электроэнергии, при недостатке рабочих рук в городе и деревне СССР смог выдержать четыре года войны, снабжать многомиллионную армию новейшей техникой, одевать, обувать и кормить ее.

В самом деле, если сравнивать, то в Первую мировую войну экономика России не выдержала напряжения и практически коллапсировала. К 1916 году металлургические заводы давали лишь половину необходимого металла, создалось критическое положение с топливом, транспорт не мог вывезти со складов большую часть продукции военных предприятий. К 1917 году из-за транспортной разрухи страна фактически распалась на отдельные экономические районы — и это притом, что война велась лишь в приграничных территориях России — в Польше, на Кавказе.

Советская военная экономика не только выдержала напряжение войны, но и неуклонно развивалась, наращивала темпы, увеличивала объемы и эффективность производства.

Конечно, это стало возможным благодаря успехам довоенных пятилеток, появлению в Советском Союзе высокопроизводительной индустрии, мощной оборонной промышленности, крупного сельского хозяйства, высокоорганизованного транспорта, многочисленных квалифицированных кадров.

Однако главное все-таки было в другом. Главным ресурсом и для индустриализации, и для победы в войне стала духовная энергия народа, волна патриотического подъема и трудового энтузиазма, которую большевики сумели вызвать и поддерживать в течение многих лет.

Кроме военного и духовного, с первых же дней войны началась мобилизация научно-технического потенциала СССР на борьбу с фашизмом. Уже 23 июня 1941 года, на следующий день после начала войны, состоялось внеочередное расширенное заседание президиума АН СССР с участием 60 наиболее видных ученых страны под председательством вице-президента АН СССР академика О. Ю. Шмидта. Отечественные ученые в очередной раз подтвердили, что не амбиции, обиды на власть, узкопрофессиональные интересы и идеологические соображения являются главным стимулом их деятельности, а именно задача защиты Родины.

А 26 июня советские ученые обратились с посланием к ученым всех стран: «В этот час решительного боя советские ученые идут со всем народом, отдавая все силы борьбе с фашистскими поджигателями войны — во имя защиты своей родины и во имя защиты свободы мировой науки и спасения культуры, служащей всему человечеству... Все, кому дорого культурное

наследие тысячелетий, для кого священны высокие идеалы науки и гуманизма, должны положить все силы на то, чтобы безумный и опасный враг был уничтожен».

В научных и технических учреждениях, специализированных НИИ, высших учебных заведениях была пересмотрена тематика научных исследований — все усилия были сконцентрированы на оборонных работах и исследованиях, могущих дать немедленный выход в практику. Тематика научных учреждений АН СССР, особенно физических институтов, на 90–95% была подчинена решению военных проблем. Уже в июле 1941 года в МВТУ имени Н. Э. Баумана были образованы группы ученых для решения оборонных задач: создания новых типов электроприцелов для бомбометания и зенитных орудий, повышения маневренности танков. Специальное КБ работало над противотанковым ружьем.

В свою очередь, понимая опасность утраты научных кадров, 15 сентября 1941 г. Государственный комитет обороны вынес решение о категорическом запрещении брать на фронт преподавателей вузов и научных работников. Их стали отзывать из армии по ходатайству наркоматов и ведомств.

Жить и работать приходилось в труднейших условиях. Часть вузов и научных учреждений была эвакуирована, не хватало оборудования и приборов, многие исследования проводились непосредственно в заводских цехах. Но главное было сделано — были сохранены высококвалифицированные кадры научных работников и преподавателей вузов. Удалось также спасти значительную часть наиболее ценного оборудования и материальной базы научных учреждений.

Никто не считался званиями и авторитетом: светила мировой величины, всю жизнь занимавшиеся лишь фундаментальными проблемами науки, начали решать частные оборонные задачи.

Признанный во всем мире физик, специалист по особо сильным магнитным полям и открыватель фундаментального явления сверхтекучести, академик П. А. Капица был в давних неладах со Сталиным и руководством страны. Однако он отбросил все прежние конфликты и взялся за решение важнейшей задачи сжигания кислорода. Лидерами в этой области до войны были немцы, у них и приобрели установки. А сейчас кислород нужен был для военной медицины, для создания окислительных взрывчатых веществ для военных летчиков, совершавших дальние бомбардировочные полеты, и, главное, для разорывающихся военных производств.

Капица и всё «кислородное направление» получили особую поддержку Государственного комитета обороны. Петр Леонидович и его сотрудники создали оригинальную установку — турбодетандер, позволяющую с более высокой эффективностью и в больших количествах, чем в немецких установках, получать

жидкий кислород. За эти работы П. А. Капица был награжден орденом Ленина.

«Отец советской физики», учитель Капицы, Курчатова, Александрова и многих других выдающихся физиков, академик А. Ф. Иоффе еще с конца 20-х годов вместе с сотрудниками вел исследования по термоэлектричеству и полупроводникам. Результаты этих исследований позднее произвели переворот в электронной технике. А в годы войны они позволили создать термогенераторы — малогабаритные устройства, вырабатывавшие электрическую энергию непосредственно из тепловой. Термогенераторы использовались для питания небольших партизанских радиопередатчиков.

Советский математик, академик А. Н. Колмогоров на кафедре вероятностей МГУ по просьбе Наркомата обороны рассчитал таблицы бомбометания с малых высот при малых скоростях самолета, а также решил задачу, которая помогла увеличить эффективность артиллерийского огня.

С увеличением скоростей летчики боевой авиации стали гибнуть из-за внезапно возникающих в полете лавинообразных колебаний конструкции. Загадочное явление получило название флаттера, но природа его была непонятна. В первые же годы войны академик М. В. Келдыш и профессор Е. П. Гроссман исследовали это явление, создали теорию флаттера и нашли эффективные меры для борьбы с ним.

Особая нагрузка легла на конструкторов танков, самолетов и артиллерийских систем. Предвоенный опыт показал необходимость создания военной техники со значительно более высокими тактико-техническими и боевыми качествами. Только боевых самолетов требовалось разработать более 25 новых типов.

Уже весной 1940 года в небо поднялись опытные образцы истребителей с улучшенными характеристиками: МиГ-3 (конструкции Арт. И. Микояна и М. И. Гуревича), ЛаГГ-3 (С. А. Лавочкина, В. П. Горбунова и М. И. Гудкова). А с марта 1941 года начался серийный выпуск штурмовика Ил-2 (С. В. Ильюшина) — машины, не имевшей себе равных в мире. Ни одна из воюющих стран не имела подобного бронированного штурмовика, получившего название «летающий танк», и ни один самолет не был выпущен в таком количестве (41 тыс. за годы войны).

Знаменитый танк Т-34 был разработан главным конструктором Харьковского завода М. И. Кошкиным. Этот средний танк превосходил даже тяжелые немецкие танки оптимальным сочетанием бронестойкости, маневренности, огневой мощи и технологичности в производстве. Но тогда мало кто знал, сколь драматичной была история рождения танка, разработанного сверх задания Комитета обороны. Кошкин по собственной инициативе добился лично у Сталина права представить чисто гусеничный танк как правительственным испытаниям. 31 марта 1940 года танк Кошкина был принят на вооружение, но сам главный конструктор в сентябре скончался от пневмонии и переутомления.

Танк Т-34 стал основным средним танком Красной Армии и приводил в ужас и отчаяние танкистов противника — он пробивал броню немецких танков с 1,5–2 тысяч метров, тогда как немецкие могли поражать его с расстояния не более 500 метров. Гитлер после битвы под Москвой объявил умершего главного конструктора своим личным врагом, и его могила в Харькове была уничтожена целенаправленной бомбардировкой — так велика была ненависть к создателю танка Т-34.

Не только названные боевые машины, но и многие другие навечно зачислены в разряд «оружия Победы». Но не успела закончиться война, как советским ученым и конструкторам в условиях жесткого недостатка времени пришлось создавать еще более грозное оружие — атомное.

Об этом — в следующей статье.

Юрий Бардахчиев

НАША ВОЙНА

Хотя Рут Бенедикт наверняка не хотела ничего плохого для американского общества, а наоборот, хотела только хорошего, ее усилиями был нанесен колоссальный вред и американскому, и вообще человеческому обществу

Человечина под соусом аполитичности — 6, или Культурный релятивизм и его последствия

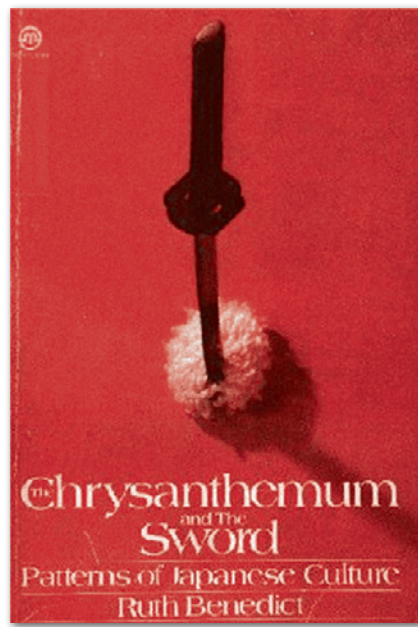
В прошлый раз мы остановились на том, что для Рут Бенедикт было исключительно важно доказать относительность культурных норм, что именно эта задача была скрытым, но исключительно мощным мотором и ее научной деятельности, и ее работы в качестве высокопоставленного правительственного эксперта.

Поясним: Бенедикт была крупнейшим экспертом правительства и госдепартамента США «по другим культурам» до, во время и после войны. В частности, именно ей «заказали» исследование культурных особенностей японцев во время войны (понятно, с какими целями, — с военными: узнать врага, чтобы знать, куда бить), результатом чего явилась ее знаменитая книга «Хризантема и меч». Характерно, что культур-антропологическое (!) исследование японской культуры было проведено Бенедикт исключительно по книгам и др. письменным источникам (в том числе было проанализировано 5 тыс. дневников убитых и плененных японских военнослужащих, причем в переводе на английский язык, так как Рут Бенедикт не владела японским), что всегда объяснялось тем, что во время войны ничто другое было невозможно. Однако в это время в США было около 200 тысяч японцев, которые к тому же были «удобно для исследований» интернированы в специальные лагеря, но они в качестве «носителей японской культуры» Бенедикт почему-то не заинтересовали. А с началом холодной войны именно Бенедикт было поручено провести сравнительное культур-антропологическое исследование СССР и стран, которые попали в сферу его геополитического влияния в результате Победы 1945 года, — будущих социалистических стран. Очевидно, что цели исследования были такими же, как и в случае с японцами. Бенедикт начала работу (как и в случае с Японией — по письменным источникам), было несколько засекреченных отчетов (а как же — война!), но в полном объеме исследование не было проведено и закончено — из-за смерти Бенедикт в сентябре 1948 г. Может, это и к лучшему — что исследование не было проведено в полном объеме... Потому что некоторые результаты «японского» исследования известны.

Несмотря на то, что «Хризантема и меч» получила, мягко говоря, неоднозначную оценку ученых в Японии и на Западе (Бенедикт упрекали в антиисторизме, западном этноцентризме, а также в том, что она нарисовала портрет не японца, а японского военнопленного), она стала классической работой культурной антропологии, к которой до сих пор постоянно обращаются исследователи-культурологи. Почему же такая столь слабая в научном отношении работа стала классической? Читатели нашей газеты, как кажется, уже догадались... Исследование стало «классическим», потому что было направлено на решение очень определенных и совершенно военных задач — хоть и не научных, но таких, которые в подавляющем большинстве случаев и стоят перед культурологами, культурными антропологами, сравнительными социологами разных стран в тех случаях, когда им дают государственный заказ. Какие это задачи? Вот что пишет об этом сама Рут Бенедикт:

«Перед нами один за другим вставали острые вопросы: Что же японцы будут делать? Возможна ли их капитуляция без нашего вторжения? Следует ли нам бомбить дворец Императора? Что мы можем

ожидать от японских военнопленных? О чем мы должны рассказывать в обращении к войскам и жителям Японии пропанганде ради спасения жизни многих американцев и умаления готовности японцев бороться до последнего солдата? Среди тех, кто хорошо знал японцев, существовали большие разногласия. Когда наступит мир, не окажется ли, что для поддержания порядка среди японцев потребуется введение бессрочного военного положения? Должна ли наша армия готовиться к противостоянию отчаянных и бескомпромиссных людей в каждой горной крепости Японии? Прежде чем появится возможность установления международного мира, не должна ли в Японии произойти революция, подобная французской или русской? Кто ее возглавит? В наших суждениях по этим вопросам было много разногласий».

Обложка книги «Хризантема и меч»

Конечно же, эти задачи имели право быть поставленными и решенными: à la guerre comme à la guerre — и в этом смысле никаких претензий к Рут Бенедикт как к патриоту Америки быть не может. Однако где же здесь независимость от актуальных потребностей общества и эгоистическая самоактуализация, на которой так настаивает Маслоу? Где вот эта «чистота» самореализации в горнем (и, видимо, безвоздушном) мире? А ведь Бенедикт не только «просто» сделала это исследование японской культуры и «просто» написала соответствующие отчеты (которые во время войны были, конечно, засекречены). Как считает большинство исследователей творчества Бенедикт, «японское» исследование было-таки использовано Америкой в войне с Японией. Это касается как минимум двух пунктов: во-первых, в решении применить атомное оружие для устрашения японцев, хотя, конечно, общепризнанно, что атомная бомбардировка была в первую очередь «адресована» СССР (говорят даже, что отчет Бенедикт был последним доводом, который убедил Трумэна сбросить бомбы). А, во-вторых, в принятом и реализованном решении при капитуляции Японии оставить ей императора. Неслабые такие решения, правда? А если выводы Бенедикт были... не вполне научны и не соответствовали

действительности (ведь сомнения есть)? То, значит, и политические решения, принятые на основе этих выводов, были не того... не обоснованы? И кто за это несет ответственность? Но это так, риторический вопрос «в сторону», как пишут в пьесах. Но вопрос о последствиях научных разработок, в том числе не только непосредственных, но и отдаленных, нам действительно очень интересен...

Вернемся к мотивам научной работы Бенедикт. Итак, почему легитимация крайнего культурного релятивизма была так важна для Рут Бенедикт? Молодость Рут Бенедикт пришлось на начало XX века, когда положение женщин вообще и в США в частности было далеко от равноправия. Это не помешало ей получить образование, однако, например, она долго работала в Колумбийском университете бесплатно, потому что по тогдашним законам США замужнюю женщину должен был содержать муж. И Бенедикт, очевидно, была значительно мотивирована, в том числе в научной работе, доказательством равенства полов, что дало даже возможность ее биографам говорить о том, что она «претендовала на равенство с мужчиной, может быть, на роль мужчины». Кроме того, в 35 лет Рут Бенедикт неожиданно обнаружила, что какой-то частью принадлежит к меньшинству, которое дало первую букву в аббревиатуре «ЛГБТ». Ее близкие отношения с Маргарет Мид — тоже великим антропологом и социологом XX века — продолжались многие годы. Соответственно, вопрос о легитимации подобных отношений и соответствующих наклонностей также Бенедикт (как и Мид) чрезвычайно интересовал.

Таким образом, совершенно очевидно (и это отмечено большинством исследователей творчества и биографов как Рут Бенедикт, так и Маргарет Мид), что и направленность исследований Бенедикт, и результаты, ею полученные, и выводы, которая она делала, и, наконец, теории, которые она построила на основе проведенных исследований — всё было мотивировано тем, что она чувствовала себя (вместе с подобными ей) неравноправной в обществе и хотела доказать, что это неверно. Именно отсюда происходил и ее крайний релятивизм в отношении культурных норм — типа нормы всякие нужны, нормы всякие важны... совершенно независимо от того, как их воспринимает общество. Оттуда же — введение ею (совместно с М. Мид) понятий позитивного (когда собственное отклонение от общественной нормы воспринимается просто как альтернатива общественным условностям и служит источником любви к себе и гордости собой) и негативного отклонения (когда собственное отклонение от нормы воспринимается человеком как преступление или болезнь и служит причиной ненависти к себе). Тот же источник и у получившего широкое распространение представления Бенедикт о том, что культура — это проекция личности на общество (а не наоборот!). Известен афоризм Бенедикт «Culture is personality writ large» (буквально — «культура — это личность, написанная крупно»). Сама Бенедикт поясняла его так: «Культура — это ... индивидуальная психология, спроецированная крупным планом на экран, приобретающая гигантские пропорции и длительную протяженность во времени». И вполне логичный вывод — личность с правильным, то есть позитивным отклонением, может изменить культуру «под

себя» — то есть добиться признания своего отклонения культурной нормой. Как пишет С. Н. Лурье, «Для нее было очевидным удвоением прироста к выводу, что любое отклонение может быть принято в соответствующей культурной ситуации».

Сделаем на этом месте небольшое и не лирическое, но необходимое, с нашей точки зрения, отступление — чтобы читатель не потерял нить изложения. Потому что читатель может решить, что мы забыли про наш основной предмет исследования — Абрахама Маслоу и его «гуманистическую психологию», — растеклись по древу или заводим рака за камень, то есть уходим от главной темы. Так вот, мы не растеклись и не заводим. Напомним: мы решили исследовать вопрос о том, что происходит с учеными и наукой в том случае, если они решительно и бесповоротно хотят быть «вне политики», то есть категорически не желают принимать во внимание современные им социально-политические реалии и конфликты и уж тем более — принимать в этих конфликтах определенную сторону. Был выдвинут тезис о том, что выбор простой — либо социальная ответственность и наука, либо аполитичность и сдача на милость врага человечества, каковым является ныне либерал-фашизм и вообще антигуманизм. В качестве примера мы решили исследовать работы Абрахама Маслоу — всемирно известного психолога, родоначальника так называемой гуманистической психологии. Анализируя эти работы, мы обнаружили, что в них, мягко говоря, мало гуманизма и совсем мало науки. Более того, выяснилось, что он не только сам провозглашал принципиальную независимость человека от социума (потому что всё в нем, в человеке, определяется биологией), но и буквально требовал от общества освободить «настоящих людей» (которые саморезализовались) от всякого чувства вины по поводу того, что они не замечают и не принимают во внимание кричащих социальных проблем вокруг них. Столкнувшись с таким «гуманистическим» поворотом, мы отложили на время анализ научных теорий Маслоу и решили поинтересоваться, откуда же Маслоу всё это взял, и внимательно посмотреть на персоны и деятельность людей, которых сам Маслоу называл в качестве первоисточников и первообразцов самореализующихся личностей — на Рут Бенедикт и Макса Вертгеймера. И начали с Рут Бенедикт...

И выяснили как минимум то, что Рут Бенедикт была далеко не гармоничной личностью (с удовлетворенными потребностями низших уровней, по пирамиде Маслоу). И поэтому совершенно непонятно, как же она самореализовалась (а это бесспорно!) при такой внутренней дисгармонии? Далее выяснилось — в полном противоречии с требованиями теории Маслоу, — что Рут Бенедикт не только не была «чистой» ученой, далеким от социальных проблем современного ей мира, но прямо наоборот — она постоянно занималась этими проблемами, часто используя науку (если точнее — отношение к науке в обществе начала XX века как к непрерывающему авторитету, как к богу практически) как инструмент в достижении общественно-значимых (так, например, она настойчиво и яростно боролась против пропаганды расизма и евгеники), а часто и просто политических целей. И что более того — она была важным правительственным экспертом, чьи работы

НАША ВОЙНА

заказывались и эффективно использовались Америкой в сугубо военных целях. Кроме того, мы обнаружили, что направление научных изысканий Рут Бенедикт и ее выводы и теории мотивировались, во-первых, ее личными нетрадиционными особенностями и наклонностями, а во-вторых, ее уверенностью в том, что личность должна преобразовать общество под себя или как минимум преобразовывать под себя представления общества о норме... А уже вот это само по себе повлекло огромное число социально-политических последствий, в том числе отдаленных, о которых мы просто не можем не рассказать читателю. Однако мы торжественно заверяем, что вскоре мы вернемся и к Абрахаму Маслоу, и к Макс Вертгеймеру, и к «гуманистической психологии», и к вопросам якобы принципиально необходимой аполитичности ученых. Конец нелицезвонного отступления.

Не подумайте, уважаемые читатели, что мы хоть что-то имеем против таких отношений и наклонностей, какие были характерны для Рут Бенедикт — ни боже мой! Но предлагаем подумать о том, как сказывается подобная личная заинтересованность на результатах исследований и — в случае, если ученые действительно талантливые — на позднейшей научной традиции, а также на собственном развитии общества. Особенно в тех случаях, когда предметом исследования являются именно человек и общество... Потому что если, например, некто, сильно озабоченный своим малым ростом («комплекс Наполеона» называется), сконструирует и внедрит станки или машины, которые будут удобны в пользовании для низкорослых людей, то вреда от этого не будет никакого — одна польза. А вот если так же озабоченный биолог или врач «научно» докажет, что все люди, переросшие отметку в 150 см, — это люди заведомо умственно неполноценные, так как, дескать, их мозг не может нормально развиваться из-за того, что постоянно недополучает необходимых «строительных материалов»: белков, жиров и пр. — отвлекаемых на рост организма в целом... и что этот «дефект» (высокий рост + умственная неполноценность) передается по наследству... А потом найдется такой же «комплекснудый» политик или обществовед, который посвятит свою жизнь тому, чтобы законодательно признать всех «перерослов» неполноценными и поэтому недееспособными... и поэтому обучать их только в школе для умственно отсталых, запретить иметь детей... То так можно, как говорилось в известном анекдоте, и «до мышшей доковыряться».

Так вот, нам представляется, что научная деятельность Рут Бенедикт, Маргарет Мид и др. ученых, которые были сильнейшим образом мотивированы собственными специфическими проблемами, привела в итоге к довольно-таки печальным, но грандиозным результатам. Среди этих результатов — практически всё, с чем борется «Родительское Всероссийское Сопротивление»: ювенальная юстиция, легализация однополых браков и усыновления однополыми семьями детей, всепоглощающая толерантность, либерализация образования, попытки узаконения инцеста, каннибализма, эвтаназии... Вы спросите, при чем тут Рут Бенедикт? А вы смотрите сами.

Как мы упоминали, Рут Бенедикт более всего известна своей книгой «Паттерны культуры», в которой она «научно» доказала, что в разных культурах в отношении одних и тех же вещей существуют разные нормы и что все эти нормы имеют право на существование. То есть проявила тот самый «крайний культурный релятивизм». Ну что, казалось бы, плохого в культурном релятивизме? Действительно, все культуры разные. Действительно, в разных культурах существуют разные взгляды по одним и тем же вопросам и разные нормы в, казалось бы, одинаковых случаях... И почему бы не признать все нормы равноправными? Вот, например, каннибализм. Да, действительно есть общества, в которых каннибализм не только нормален, но даже почетен. А «наука доказала», что некоторое время назад каннибализм был почетен и полезен почти во всех человеческих обществах. И если мы настоящие либералы (то есть считаем, что «права человека» превыше всего), то почему бы и нам не признать, что каннибализм — это нормально, и не убрать оскорбляющую моральное чувство каждого истинного демократа и позорящую наше общество соответствующую статью из Уголовного Кодекса (читайте статью Марии Мамиконян в прошлом выпуске нашей газеты)?

Рут Бенедикт

Или, например, инцест. Есть общества, где это принято. «Ученые доказали», что была аж целая цивилизация — инков, в которой в царской семье браки заключались строго между ближайшими родственниками: родными братьями и сестрами. Почему бы и нам, если мы действительно за равенство всего всему, не признать инцест, во-первых, нормальным, а, во-вторых, законным? И перестать преследовать несчастных людей, «вся вина» которых в том, что они «как древние инки». Или, например, педофилия... Есть общества... «Ученые доказали»... Почему бы и нам... Ну, вы поняли?

А что же делать, спросит читатель. Ведь действительно нормы бывают разные. И люди, придерживающиеся этих норм, — это люди (не «тоже люди», а люди). И эти люди ничем не хуже и не лучше, не ниже и не выше нас. Почему тогда мы должны относиться к их нормам и ценностям не так, как к нашим? Тем более что «ученые доказали»...

Есть такой известный анекдот об ученых, которым поручили разработать метод расчета, который бы позволял предсказывать результаты скачек. Ученые много работали и разработали методику, которая позволяла предсказывать результаты забегов с точностью до тысячных процента — НО в предположении, что в скачках участвуют абсолютно упругие сферические кони в вакууме. Абсолютизация «культурного релятивизма» чем-то напоминает этого знаменитого «сферического коня в вакууме». Потому что культурный релятивизм хорош и верен только, так сказать, *in vitro* (то есть в пробирке, вне организма). А *in vivo* (в живом организме) он практически смерти подобен. Например, живут себе папуасы на островах в Новой Гвинее, и у них принято есть побежденных врагов из других племен, умерших вождей и родственников (с целью завладения их именами, которых там дефицит, а не просто так, ради развлечения, между прочим). Ну живут и живут, ну едят и едят. Это их жизнь, их культура, их общество, и мы не вправе их осуждать (тем более, еще неизвестно, как бы мы сами повели себя, если бы у нас имен не хватало). Мы тем более не вправе вмешиваться и силой препятствовать им есть друг друга. Единственное, что мы можем — это попытаться убедить их, что имен больше, чем им кажется, или что есть другие, не связанные с каннибализмом, способы добычи имен. Однако всё изменится, если папуасы решат совершать набеги на наши богатые именами земли, похищать наших граждан и есть их. Тогда мы будем в полном праве применить все способы (включая убийство и т. п.) для противления людоедству. Потому что у нас людей есть нельзя. Более того, допущение каннибализма может разрушить наше общество — то есть это коснется не только конкретно поедаемых, но всех. В силу того простого обстоятельства, что запрет убивать и есть людей — важный камень в фундаменте нашей культуры, на котором стоит наше общество, и выдирание этого камня означает обрушение этого общества. Если можно есть людей (у нас!), то тогда можно всё. А если можно всё, то общества нет.

Эта ситуация в чем-то аналогична работе раковых клеток в организме. Человеческий организм состоит из множества разного вида клеток: клеток крови, нейронов, клеток печени, кожи и пр. Каждый вид клеток произведен нашим собственным организмом, но имеет свое строение, свои особенности

жизни и функционирования. И все эти клетки отлично сосуществуют вместе, создавая возможность для жизни организма в целом. Раковые клетки тоже производятся нашим организмом и тоже имеют свои особенности функционирования, как и все другие. Но эти особенности функционирования таковы, что если не задушить это функционирование в зародыше, то организм погибнет. При этом раковые клетки совершенно не опасны, если они удалены и находятся вне организма — там, в пробирке, мы можем позволить им развиваться, с целью их изучения, например. Мы даже можем привить их мышам, например (если мы не сильно озабочены правами мышшей, что тоже сейчас встречается), и это тоже будет неопасно. Но внутрь себя их пускать нельзя! Так же нельзя пускать внутрь любого общества нормы, которые это общество разрушают.

Но ведь многие «носители» иных культурных норм живут совсем не в Новой Гвинее, а среди нас! — скажут нам. Да, живут. Но пока они живут сами по себе, вместе со своими «однонормниками» или внутри своих микрообществ, и не требуют, чтобы их нормы были признаны общими, по которым должны будут жить все, это почти равносильно Новой Гвинее. А вот если они пытаются навязать обществу свои убийственные для этого общества нормы — тогда... общество не только может, но и должно защищаться всеми возможными способами, включая всенародную войну и этим нормам, и их пропагандистам.

И вот в этом самом месте колоссальное значение приобретает наука, научные исследования и ученые. Потому что наука имеет всё еще огромный авторитет в нашем обществе. Как и ученые. И потому, что «научным данным» верят иногда больше, чем богам: слишком много уже человечество знает научных достижений, которые совершенно неочевидны, непредсказуемы и никаким здравым смыслом не объяснимы. А приходится верить — наука же! И если, например, наука неожиданно «докажет», что, согласно последним данным, быть съеденным людоедом — это, с одной стороны, не только не плохо, но даже приятно, достойно оплачивается и даже в чем-то почетно. А с другой стороны — что все люди в глубине души (подсознательно то есть) — каннибалы, что поедание человечины — одна из естественных потребностей человека, но проклятое тоталитарное общество не дает свободно удовлетворять эту важнейшую потребность... Что истинное развитие человека, его бесценной индивидуальности, возможно только путем конкуренции с другими индивидуальностями за то, кто кого сожрет... Наконец выяснится, что отрицание каннибализма — это признак недоразвитости и сестрости! И тоталитаризма! — каждый знает, что в странах вроде фашистской Германии каннибализм был запрещен, за него казнили! А по-настоящему современный и прогрессивный человек, истинный сторонник демократических и гуманистических ценностей — тот, кто не только любит человечину, но и гордится этим, способен открыто говорить об этом, готовит к этому прекрасному занятию своих детей с пеленок... В общем, если всё вот это или подобное достаточно долго от лица ученых внедрять в общественное сознание, то оно, сознание, еще неизвестно как себя поведет. Раз «ученые доказали»... может, и правда приятно и почетно... и прогрессивно-современно!

А что, скажете, не так примерно это происходило с легитимизацией гомосексуализма? И, конечно, огромный вклад в этот процесс внесла Рут Бенедикт (нет, мы еще не забыли, о чем пишем статью!) и другие ученые, подобно ей ангажированные своими личными проблемами. И хотя Рут Бенедикт наверняка не хотела ничего плохого для американского общества, а наоборот, хотела только хорошего — она была настоящим патриотом и всеми силами старалась помочь Америке во время войны (см. выше), все-таки ее усилиями был нанесен колоссальный вред и американскому, и вообще человеческому обществу. Потому что культурный релятивизм, который она пропагандировала, оказался оружием огромной разрушительной силы. А сама Рут Бенедикт, вне зависимости от характера ее намерений, оказалась в полном смысле слова пособником врага человечества... вот мы и опять вернулись к вопросу о социальной ответственности ученых.

Для завершения темы нам необходимо еще рассмотреть обсужденные выше вопросы о культурном релятивизме в стратегическом плане. Положим, мы с вами, читатель, уже

прогрессивны и либеральны настолько, что готовы признать право каждого на что угодно (на воровство, насилие, регулярную смену пола, педофилию, рабование, рисование свастик на могилах и пр.) — если, конечно, у этого «каждого» есть соответствующие культурные нормы, которые мы без всяких предварительных условий безмерно уважаем и поддерживаем. Более того, мы даже, проявляя истинный культурный релятивизм, согласны на то, чтобы каждое такое право люди, придерживающиеся соответствующих норм, могли свободно пропагандировать и защищать, для чего устраивать митинги и демонстрации, создавать политические партии и избираться в парламент. Это всё прекрасно, но что будет в будущем? Во весь рост встает вопрос, как это наше со всех сторон чудесное мировоззрение передать детям? И не только тем детям, которым посчастливилось родиться или быть усыновленными в семьях истинных либералов или истинных креаклов, или просто однополых семьях, а вообще всем детям, в том числе тем несчастным, которые прозябают в семьях с еще не до конца прозревшими родителями? А? Вы правильно догадались! Надо изъять этих несчастных детей из семей с «неправильными» родителями! Потому что там нарушают их права и — главное — внушают им культурный абсолютизм вместо дорогого нашему сердцу релятивизма!

Но это еще не всё! Даже в семьях настоящих культурных релятивистов необходимо растить детей специальным образом — чтобы они росли и развивались свободно, без каких-либо ограничений, чтобы не навязывать им какие бы то ни было нормы (пусть и относительные) нашего большого общества, а чтобы они могли по-настоящему проявить всё то, что заложено в них природой! (Кстати, именно на этом настаивал главный герой нашего многосерийного повествования — Абрахам Маслоу. Он считал, что человек «от природы» так хорош, что если ему не мешать, а дать расти и развиваться без всякого искажающего природу вмешательства социума, то он вырастет в «настоящего» человека — самореализующуюся личность.) То есть главный принцип воспитания по-либеральному — «никаких ограничений» (или, что то же самое, соблюдение прав ребенка). Что при таком «свободном развитии» получается, хорошо иллюстрирует следующий факт. В 60-е годы прошлого века в Америке стало модным убеждение, что многие психологические проблемы взрослых происходят из слишком грубого и жесткого «приучения к горшку» в детстве, что от этого портится характер и т. д. Поскольку американцы — люди практические и деятельные, они решили проблему очень просто — перестали совершать эти жестокие и грубые (и, заметим, обременительные и неприятные для родителей) действия в отношении своих детей. В результате появилось целое поколение (!) детей, которые до третьего класса школы ходили в памперсах. Но это еще ничего. Когда эти дети выросли, оказалось, что у них всех (то есть у целого поколения!) гигантские проблемы с самоконтролем. Попросту говоря, у них самоконтроль практически отсутствовал (ну, и еще кое-какие психологические нарушения, по мелочи). Чего может добиться человек без самоконтроля? Как жить в обществе с людьми, лишенными самоконтроля? Может ли быть личность без самоконтроля названа самореализующейся?

В этой связи хочется напомнить читателям байку, которая широко ходила пару лет назад в российском интернете. Уж не знаем, было или не было такое на самом деле, да это и не важно. Рассказывали же, что ехали люди в маршрутке. И рядом с девушкой в светлом наряде (это было летом) сидел мальчик лет 10–11, который явно намеренно грязными ботинками постоянно пытался задеть светлое платье (или брюки?) девушки, пачкая его (их?). А рядом стояла мама мальчика, которая «ничего не замечала» и никак не реагировала. Тогда девушка указала маме, что мальчик ведет себя неподобающе, и услышала в ответ, что мальчика, дескать, воспитывают по новой прогрессивной системе, в соответствии с которой ему ничего нельзя запрещать... Тут сзади встал молодой человек и направился к выходу. Проходя мимо мамы мальчика, он вынул изо рта жвачку и прилепил ее на лоб «прогрессивного» педагога. «Меня тоже воспитывали по этой системе!» — сказал он и вышел из маршрутки.

(Продолжение в следующем номере).

Юлия Крижанская, Андрей Сверчков

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

Применив навязываемую нам «оптимизацию и модификацию», мы рискуем получить новое поколение граждан, выросших по правилам западного общества, в духе «их» ценностей. Со всеми вытекающими последствиями

Спасем наших детей!

На днях ходил с ребенком в поликлинику делать прививку. На одном из стендов, поверх листа с медицинской информацией, увидел узкую полоску бумажки сиреневого цвета. На ней сообщалось: «Если тебе меньше 18 лет, друзья не могут понять тебя, возникли проблемы с родителями или близкими, тебе или твоей семье нужна помощь — для тебя круглосуточно работает телефон доверия». И — адрес Центра социального здоровья молодежи и планирования семьи.

Ведь какое интересное понятие используется — «социальное здоровье»? А есть еще и другие: «трудная жизненная ситуация», «социальное сиротство», «социальное неблагополучие» и т.д. И все эти термины не имеют четких определений, и поэтому можно их интерпретировать, как угодно. Можно любую мало-мальски конфликтную ситуацию вывернуть так, что семья окажется под угрозой ювенального вторжения.

Помогать детям в сложных жизненных ситуациях — дело, конечно, хорошее и порой необходимое, но где гарантия, что в современных условиях на контроле у социальных органов не окажется совершенно нормальная семья ребенка, сдуру позвонившего по телефону доверия? Ведь технические средства позволяют узнать номер звонившего! Где гарантия, что после того, как он пожалуется на непонимание его домашними: не разрешают тусоваться с компанией, сидеть часами у компьютера, а вместо этого заставляют учить уроки, — в семью это зайвится комиссия из опеки? Ведь сейчас на всех углах трубят о правах детей. При этом почему-то совершенно не говорится о том, что у детей есть и определенные обязанности. Такие, как учиться, слушаться родителей, уважать старших, хорошо себя вести и т.п.

Вопрос о правах детей не сходит с повестки дня — его постоянно разогревают на семинарах, встречах, конференциях, принимают на них всевозможные решения. Казалось бы, это хорошо. Но тогда расскажите, где это у нас в таких масштабах и так беспрецедентно нарушаются права детей? А ответ, оказывается, лежит на поверхности: «Как где? Да конечно же в семьях!» И про насилие не забудьте. У нас, если верить на слово СМИ и чиновникам, каждый пятый ребенок подвергается насилию. И не где-нибудь, а в семье. Вот и нужны такие телефоны, армия чиновников, ювенальные технологии, нужна репрессивная система. А то совсем распоясались эти родители!

Но почему же так раздувается данная тема, почему не ослабевает напор? Да потому, что есть заинтересованные лица, есть заинтересованные организации. Как вы думаете, какие? А вот мы перевернем бумажку с объявлением и... что там увидим? Что во главе начинания стоят Комитет по делам молодежи Администрации г. Мурманска и международная организация «Спасем детей», ее норвежское отделение. Правда, интересно? Эта организация одной из своих целей заявляет «усиление реализации прав детей и продвижение ценностей Конвенции о правах ребенка». Здесь ключевое слово «усиление». Усиливать наши чиновники любят, особенно если этому сопутствуют дополнительное финансирование, повышение квалификации за границей и т.д. И потом всем миром приходится защищать семьи от их рвения.

Но давайте будем со всем этим разбираться по порядку. Сначала выясним, что собой представляет Российское представительство объединения (РПО) «Спасем детей». Как следует из истории организации, создана она была Эглантайн Джебб в Великобритании в 1919 году. На данный момент в ней работает более 14 тыс. сотрудников в 130 странах мира.

«В 1923 году Эглантайн Джебб формулирует основные положения Декларации прав ребенка, которые в 1924 году были утверждены Лигой Наций. В дальнейшем количество положений Декларации было увеличено, а сама Декларация, несколько измененная и дополненная, стала Конвенцией ООН о правах ребенка, ратифицированной на сегодняшний день всеми

странами-членами ООН, за исключением Соединенных Штатов Америки и Сомали». Вот так, ни много ни мало — мы имеем дело с организацией, основатель которой была основоположницей Декларации прав ребенка.

Поначалу организация занималась голодающими детьми, страдающими от последствий Первой мировой войны. Причем как в побежденных странах, так и в победивших. Позже помощь распространилась на детей, «оказавшихся в трудной жизненной ситуации».

На территории Мурманской области ее норвежское отделение существует с 2002 года и развило довольно бурную деятельность.

Зарубежные специалисты работают в плотном взаимодействии с местными мурманскими властями. Они внедряют свои проекты в образовательных и социальных учреждениях на территории Мурманской и Архангельской областей, Ненецкого автономного округа. Началось всё с проекта «Мобильная уличная работа с детьми и молодежью в г. Мурманске». Подробно о нем написано в статье «Украденное детство» на сайте Pravda.ru: «Суть проекта заключается в том, чтобы найти на улицах областного центра маленьких бродяжек, попрошаек и беспризорников. Найти и попытаться спасти от гибели их и их семьи. Финансирует проект, помимо РПО «Спасем детей», Баренц-секретариат и Совет министров северных стран». Казалось бы, идеалия, да и только. Удивляет, конечно, что не хватало собственных мозгов у наших чиновников понять, что с детской беспризорностью и бродяжничеством надо бороться. Нашего опыта, когда в годы становления советской власти беспризорность была искоренена, — они не помнят. Добрые дяди и тети из-за границы стали помогать нам в этом, деньги выделяли на реализацию проекта. Но, как следует из той статьи, «у них» с такими детьми и их семьями ведется комплексная работа вплоть до полной реабилитации. Однако «российская социальная политика по отношению к неблагополучным семьям такими успехами пока похвастаться не может, — констатирует корреспондент. И далее, — Позже произошел запуск второго проекта «Предотвращение насилия и эксплуатации детей», который реализовывался в сотрудничестве с Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Мурманской области, судебными и правоохранительными органами. Проект был направлен на повышение осведомленности населения о проблеме различных форм насилия в отношении ребенка».

О, вот это симптоматичный поворот! Успеха в борьбе ЗА семью нет, зато ПРОТИВ семей работа пошла споро. Через «информации» и «констатации» создается мнение в обществе, что вопрос насилия над детьми в различных его формах актуален, поскольку самое насилие имеет значительные масштабы. СМИ раздувают тему, формируется соответствующий информационный фон и, что немаловажно, одной из важнейших форм «насилия» оказывается насилие психологическое. Опять же абсолютно неконкретное и размытое понятие, под которое, по сути, подводят традиционные методы воспитания, включающие в себя ограничения и наказания. (Речь в данном случае не идет о физических наказаниях, это — другая форма насилия.)

Подчеркнем, что вся эта истерия вокруг насилия над детьми не соответствует официальной статистике МВД.

Можно упомянуть еще об одном развивающемся направлении работы норвежских «благотворителей». «В Архангельске прошла конференция «Позитивное родительство: инновационные технологии и методы работы в сфере детствосбережения», организованная Министерством труда, занятости и соц. развития Архангельской обл. совместно с РПО «Спасем детей» (Норвегия). В ней приняли участие более 100 специалистов социальных учреждений Архангельской и Мурманской обл. В ходе конференции был сделан доклад «Раннее

выявление семейного неблагополучия службой социальных участковых и организация работы «Социального патруля» во взаимодействии с органами системы профилактики г. Новодвинска».

Читаем на городском портале «Вельск. Ру»: «Представители Вельского центра «Скворушка» рассказали о своем опыте, как проходит работа с благополучными семьями и с семьями группы риска. Например, в центре разработана программа «Социальный участковый» — это такое формирование данных о семьях» (выделено мною — О.А.). «Данные о семьях», напомним, обязательная составляющая ювенальных технологий.

Защищать права детей — дело благое и, можно сказать, благородное. Никто с этим не спорит. Но как-то... чуетсь подвох. Почему такие старания проявляют западные «партнеры»? Ведь ничего просто так они, люди прагматичные, не делают — вряд ли это надо доказывать. И тут обратим внимание на еще одно направление — «Защита детей: формирование навыков позитивного родительства». Особенно активно норвежские спасатели заняты этим в областных детских учреждениях. Что же это за новый и странно звучащий для нас термин — «позитивное родительство»? Выходит, до того как к нам пришли иностранные «спасатели», оно было не позитивным? Ой ли! Ведь у нас имеется предостаточно своего опыта традиционного воспитания детей. Огромнейший опыт был наработан в годы советской власти. А тут, выходит, весь позитив — у них, а мы только насилием занимаемся?

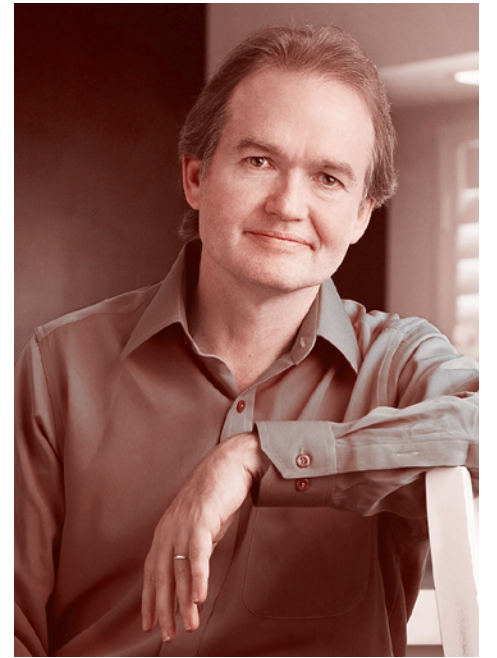
У них и пособие припасено для нас. «РПО «Спасем Детей», в целях продвижения принципов позитивной дисциплины в вопросах воспитания детей, в 2010 г. была подготовлена к печати русская версия книги Джоан Е. Дюфрант «Позитивная дисциплина», а в 2011–2012 гг. на ее основе был составлен и рецензирован цикл тематических встреч». Читаем и понимаем — под «позитивным родителем» у них понимается «ненасильственный и основанный на уважении подход к ребенку как к субъекту обучения, особый подход, который помогает достигать успеха, участвуя и способствуя его развитию. Позитивное воспитание детей — это новый подход, система принципов и взаимоотношений, позволяющие достичь понимания, послушания и успешного личностного развития детей. Методы и приемы, предлагаемые на занятиях, являются альтернативой традиционным малоэффективным методам воздействия на детей и позволяют договариваться и сотрудничать без крика и ссор».

Вот как получается! Мы малоэффективны, оказывается. Хотя в идее «без криков и ссор» нет ничего для нас нового — вспомним, уже ранние советские плакаты призывали: «Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить!». А вот по отношению к происходящему сейчас в чем-то это действительно так. Ведь более чем за двадцатилетний период бездумных реформ наша образовательная система искорежена. Нравственные и моральные устои разрушаются. Всё лучшее из нее изымается, а на смену предлагаются западные ноу-хау. Как раз такие, норвежские. Смотрим, каковы они.

Достижение цели по продвижению проектов «позитивного родительства» решается посредством осуществления следующих задач:

- Усиление механизмов сообщения о неблагополучии и насилии в семье.
- Усиление системы социальной защиты детей и их семей в трудной жизненной ситуации через применение принципов и методов позитивного родительства.
- Предотвращение социального неблагополучия в семье через применение принципов и методов позитивного родительства.

Поскольку из общих фраз толком не понять, что такое позитивное родительство, на чем основан метод воспитания, я решил поискать информацию в интернете.

Джон Грей, автор пяти принципов «позитивного родительства»

Первое, бросившееся в глаза, — что это «родительство» активно эксплуатируют, зарабатывая на нем деньги. Разворачивается целая индустрия — выставки, ярмарки, всевозможные фестивали, семинары, курсы и тренинги. Даже целые бизнес-планы под муниципальное финансирование в виде грантов разрабатываются и успешно внедряются.

Так в чем же суть воспитательной системы позитивного родительства?

Она заключается в пяти принципах:

1. Ты можешь быть другим.
2. Ты можешь ошибаться.
3. Ты можешь проявлять негативные эмоции.
4. Ты можешь хотеть большего.
5. Ты можешь сказать «нет».

Конечно, каждый принцип расшифровывается и объясняется, подо всё подводится соответствующая база. Но уже с первого взгляда видно, что эта система, имеющая явно либеральные свойства, направлена на воспитание индивидуалистической личности, не признающей запретов. Ведь воспитываться она будет без «насилия», в том числе любого воспитующего наказания. Этот метод явно не совпадает с нашими традициями воспитания, названными «малоэффективной системой воздействия на детей». Еще бы! Сходясь по ссылке, мы легко понимаем, откуда «ноги растут» у прославляемой системы: «Наши далекие предки, жители древней Ведической цивилизации, очень хорошо знали принципы воспитания детей, которые сегодня известны как «принципы позитивного воспитания» или «позитивного родительства». Они очень популярно изложены в книге известного американского психолога Джона Грея «Дети с небес». Вот так, «ведическая цивилизация»... это вам не хухры-мухры!

Итак, применив навязываемую «оптимизацию и модификацию», мы рискуем получить новое поколение граждан, выросших по правилам западного общества, в духе «их» ценностей. Со всеми вытекающими последствиями.

Процесс этот уже идет, он набирает обороты, его активно продвигают на муниципальном и государственном уровнях. Все, как оказалось, довольно серьезно. Манипуляции вокруг «прав детей», могут привести к глубокой трансформации всего общества, к повреждению нашего культурного ядра, замещению наших культурных кодов — чуждыми.

Есть ли понимание этой проблемы нашими властями? Осознает ли надвигающуюся угрозу общество? Пора уже думать своей головой, пора уже отказаться от услуг западных доброхотов, пора использовать свой богатейший опыт по воспитанию Человека.

Только давайте для начала спасем наших детей!

Олег Афонин

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

«Эвтаназия — намеренное ускорение наступления смерти неизлечимого больного с целью прекращения его страданий»

Врач: профессия и этика. Часть III

В прошлый раз я закончил на том, что биоэтика рассматривает такие проблемы, как искусственный аборт и эвтаназию, «научно-нейтрально» — как результат сравнения аргументов «за» и «против». Однако за этой «научной нейтральностью» просматриваются далекоидущие цели, которые не могут не вызывать серьезной тревоги. Потому что ставят под вопрос будущее наших детей, а значит, и будущее всего человечества.

Итак, «комиссия бельгийского парламента одобрила закон об эвтаназии несовершеннолетних», — сообщает 28 ноября, со ссылкой на бельгийский интернет-ресурс RTBF.be., агентство ИТАР-ТАСС. — Для вступления закона в силу он должен быть принят на сессии парламента, предположительно, это произойдет в начале следующего (2014) года. Закон предусматривает право несовершеннолетних при согласии их родителей или родителей подать прошения об эвтаназии».

Когда в XVI веке английский философ Ф. Бэкон вводил понятие «эвтаназия», он исходил из гуманистического постулата, содержащегося в Клятве Гиппократата: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла».

«Долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, — писал Ф. Бэкон в своей работе «О достоинстве и приумножении наук», — но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями... даже в том случае, когда уже нет никакой надежды на спасение и можно лишь сделать саму смерть более легкой и спокойной, потому что эта эвтаназия (...) сама по себе является немалым благом...». Несмотря на множество трактовок, большинство специалистов сходятся в одном — что, говоря об эвтаназии, Бэкон имеет в виду не искусственное приближение смерти, а то, что современная медицина понимает под паллиативным лечением, нацеленным на сглаживание проявлений неизлечимой болезни с помощью медицинских, психологических и иных приемов.

Однако с конца XIX века эвтаназия начала пониматься в более широком значении — как умерщвление пациента исходя из соображений «жалости» или «вреда для общества». Уже в 30-е гг. XX века эвтаназия осуществлялась в массовых масштабах в нацистской Германии по отношению к тем, кто признавался экономическим «бременем для общества», кто жил «жизнью, которая не стоит того, чтобы ее жить».

1 сентября 1939 года, в тот самый день, когда Германия развязала Вторую мировую войну, Гитлер выпустил распоряжение следующего содержания: «Рейхслейтеру Боулеру и доктору медицины Брандту поручается под их ответственность расширить полномочия назначенных для этого поименно врачей в том направлении, чтобы из гуманных соображений неизлечимо больным в случае критической оценки их болезненного состояния обеспечивалась легкая смерть». В ходе реализации этого распоряжения с помощью смертельных инъекций и удушающего газа было умерщвлено около 100 тыс. человек (преимущественно душевнобольных).

После окончания войны тема эвтаназии из этических соображений была закрыта для широкой мировой общественности. Однако это не означало, что ею не занимались. Существовали закрытые лаборатории, исследовательские институты, где тщательно изучался нацистский «опыт».

А уже в 50-е годы эвтаназия была расставурирована.

Во-первых, появились публикации, посвященные эвтаназии. Так в 1958 году были изданы первые статьи американского врача-патологоанатома, участника Корейской войны 1950–1953 гг. Джека Кеворкяна, который открыто предлагал «безболезненно лишить жизни» преступников, приговоренных к смертной казни. Уже в 90-е годы Кеворкян получит известность в связи с обвинениями в пособничестве в самоубийстве 130 человек. Однако осужден он будет лишь в 1999 году по обвинению «в прямом убийстве второй

Флешмоб против эвтаназии в Париже

степени», то есть личном проведении эвтаназии тяжело больному пациенту.

Во-вторых, развитие новых биомедицинских технологий, в том числе обеспечивающих жизнеподдерживающее лечение, позволило надолго отодвигать приход смерти порой даже у самых безнадежных пациентов. Что, в свою очередь, поставило вопрос о критериях прекращения такого лечения.

Наконец, формировались новые идеи и концепции в области медицинской биоэтики. Где с самого начала — и об этом мы уже говорили — центральной концепцией было «право пациента на добровольную смерть».

Эта формулировка давала большой простор для трактовок. Поскольку уже тогда внимание сторонников эвтаназии привлекал и другой вопрос. О том, какая из форм эвтаназии, активная или пассивная, является с точки зрения биоэтики наиболее приемлемой для данного времени.

Рассмотрим, обе эти формы.

Итак, пассивная эвтаназия подразумевает намеренное прекращение поддержания жизни, то есть прекращение реанимационных мероприятий: искусственной вентиляции легких, искусственного кормления безнадежного пациента. Главный этический вопрос — о сроках прекращения реанимации таких пациентов — напрямую связан с формированием новой концепции понятия смерти, о чем я уже тоже говорил, как смерти мозга.

Подчеркну, что идея «пассивной эвтаназии» в какой-то (но только в какой-то) мере впервые примирила сторонников и противников эвтаназии как таковой. Например, биоэтиков и католиков. И не исключено, что именно это обстоятельство привело к распространению пассивной эвтаназии во многих странах мира уже к концу 50-х — началу 60-х годов XX века.

Однако наиболее острая полемика, которая продолжается и сегодня, развернулась между сторонниками и противниками «активной эвтаназии».

Дело в том, что активная эвтаназия может быть недобровольной — в тех случаях, когда речь идет о «неизлечимых больных в бессознательном состоянии», а также «о детях с тяжелой, несовместимой с жизнью патологией». И тогда право решать, жить такому пациенту или его умертвить, отдается родственникам или опекунам.

Но активная эвтаназия может быть и добровольной. Главным основанием для нее является «право человека на самоопределение, вплоть до того, чтобы самому распоряжаться собственной жизнью и отказаться от негуманного, с его точки зрения, унижающего его достоинство лечения». То есть любимое биоэтиками «информированное согласие» пациента на смерть.

В этом «информированном согласии» у пациента есть выбор.

Либо поручить проведение процедуры врачу (как, например, поступил в 1939 году неизлечимо больной Зигмунд Фрейд: смертельную дозу морфия по просьбе Фрейда ему ввел его друг и лечащий врач Шур).

Либо — получить от врача средство, сокращающее жизнь. Так уже упоминавшийся Д. Кеворкян (или «Доктор суицид») в 1989 году построил так называемую «машину самоубийств» (mercitron — милосердие),

подающую смертельную дозу анальгетиков и токсичных препаратов в кровь больного. Кнопку для подачи препарата в кровь должны были нажимать сами пациенты.

Аргументируя пользу добровольной активной эвтаназии, ее сторонники подчеркивают важность сознательного выбора пациента — таким образом, снимая ответственность за фактическое участие в самоубийстве с врача. Но главное, что сознательно игнорируют и даже отвергают сторонники активной эвтаназии, так это даже намек на гиппократовский патернализм врача над пациентом. Фактически они говорят, что теперь нет пациента и врача, а есть заказчик и поставщик услуг.

Между тем в отличие от пассивной эвтаназии, активная эвтаназия вплоть до конца XX века была уголовно наказуема почти во всех странах мира. Однако ситуация коренным образом стала меняться после того, как в 1973 году, впервые в истории медицины и медицинской этики, Американская ассоциация больниц приняла билль (или кодекс) о правах пациентов («Patient Bill of Rights»). В этом билле зафиксировано главное право больного — право «на информационное согласие», т. е. добровольное и сознательное право больного принять или отказаться от предлагаемого ему курса лечения. А в 1981 году Всемирная медицинская ассоциация (ВМА) приняла Лиссабонскую декларацию о правах пациента, в которой провозглашалось его право на выбор врача, на согласие или отказ в отношении предлагаемого лечения и право на достойную смерть. Эти два документа стали в каком-то смысле судьбоносными, поскольку фактически легализовали активную эвтаназию в мире.

Уже в 1984 году начался так называемый «Голландский эксперимент», когда Верховный суд Нидерландов разработал соответствующие юридические процедуры, легализующие как пассивную, так и активную эвтаназию. В 1992 году этот же суд эти процедуры усовершенствовал. А в 2000–2001 гг. парламент Нидерландов принял закон о допустимости эвтаназии.

В 1994 году активная эвтаназия с участием врачей была узаконена в штате Орегон в США. Как предписывает «Закон о достойной смерти» штата Орегон, его действие распространяется «на больных, смерть которых неизбежно должна наступить в течение ближайших шести месяцев». Для того чтобы больному был выписан «рецепт на смерть», он должен написать письменное заявление, удостоверенное двумя свидетелями.

Естественно, что при этом менялся смысл самого понятия «эвтаназия». Так, если в 1982 году в сформулированном в Голландии определении эвтаназии трактуется как: «Намеренное прекращение или сокращение жизни другого человека по его просьбе или в его интересах, активное или пассивное», то уже в 1985 году в той же Голландии эвтаназия понимается как: «Намеренное прекращение жизни человека по его просьбе кем-либо, кроме самого человека».

В 2002 году активную эвтаназию узаконила Бельгия.

В 2005 году на Международной конференции по биоэтике в Москве были представлены данные о применении активной

эвтаназии в Нидерландах. В 2003 году таких случаев было 3000, в 2004 году — 1800.

В 2003 году Европейская ассоциация паллиативной помощи предложила новое определение эвтаназии, которое было принято всеми международными организациями. Теперь под эвтаназией понимается только активная эвтаназия (то есть намеренное введение врачом смертельных препаратов), и она должна быть добровольной (то есть проводится по просьбе самого больного). Следовательно, теперь не является эвтаназией ассистированное врачом самоубийство (по международной терминологии — PAS).

А это, согласитесь, совсем новые представления о праве и возможности врача лишить человека жизни. Которые, естественно, не могут не приводить к легальному расширению соответствующей практики.

В 2008 году «Закон об эвтаназии» был принят в американском штате Вашингтон. В настоящее время активная эвтаназия, помимо Голландии, некоторых штатов США и Бельгии, применяется в Швеции и Колумбии. Готовится внедрить активную эвтаназию Люксембург. Швейцария узаконила предоставление пациенту, желающему умереть и безнадежному с точки зрения медицины, смертельную дозу лекарства, которую он должен сам принять.

Пассивная эвтаназия разрешена во Франции, Норвегии, Дании, Венгрии, Германии, Австрии, Израиле, Австралии, Японии, Финляндии, Испании и Италии. Реальность сегодня такова, что эвтаназия применяется практически во всем мире, независимо от того, разрешена она законом или нет.

А теперь я вернусь к тому, с чего начал. К законопроекту о легализации в Бельгии детской эвтаназии. Проект этого документа подготовила Бельгийская социалистическая партия (БСП). Документ — беспрецедентный по своему содержанию.

«Ребенок должен быть признан специалистами рассудительным», — комментирует документ председатель БСП Филипп Мау, — он должен ясно понимать последствия своей просьбы об эвтаназии. При этом в случае неизлечимой болезни и осознания скорой смерти дети взрослеют так быстро, что могут оценивать ситуацию реальнее, чем их родители». Не слабо?

По данным социологов, более 74% бельгийцев выступают за расширение действующего с 2002 года закона об эвтаназии. Бельгийские эксперты с тревогой говорят о том, что в их стране «уже привыкли уважать право на смерть». Эти же эксперты говорят о захлестнувшем стране «буме» среди несовершеннолетних, готовых пойти на добровольную эвтаназию. Говорится также, что налицо всё больше случаев, когда эвтаназия проводится не по физиологическим, а по психологическим показаниям.

Как всё логично! Сначала «продавливается» ювенальная юстиция, отнимающая у родителей их право быть родителями, и одновременно якобы «дарующая» детям право на «взрослую» жизнь. Теперь — ювенальная эвтаназия, обещающая детям «легкую смерть».

Что еще в арсенале современных специалистов по расчеловечиванию?

Допустим, что появившаяся в ноябре новость о том, что Американская психиатрическая ассоциация в «Диагностическом и статистическом описании умственных расстройств» отнесла педофилию в разряд «вариантов сексуальной ориентации», была ошибкой. Если так, то слава богу! Но, как говорится, «осадошек-то осталось». Да и в контексте всего вышесказанного эта новость больше похожа на «оговорку по Фрейду».

И еще. В России активная эвтаназия запрещена законом и уголовно наказуема. Но это не значит, что ее сторонники бездействуют. То, как идет наступление на патернализм в российской медицине, говорит только об одном. О том, что готовится почва для внедрения еще более страшных технологий расчеловечивания, разрушения личности и общества.

Но об этом — как-нибудь в другой раз.

Михаил Дмитриев

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Нет, дорогие переосмыслители, не только с советским вы хотите расправиться! Вы хотите расправиться с русской традицией и с русским духом. С русским своеобразием, с русской всемирно-исторической альтернативностью. Вы хотите сделать русское неотличимым от швейцарского

Слом идентичности — 2

В последнее время всё больше событий российской культурной жизни происходит в Красноярске. Дело уже дошло до того, что Марат Гельман говорит: «глупо отмахиваться от того, что в России и мире Красноярск воспринимают как современный, культурно развивающийся город. Так может не стоит топтаться где-то рядом, а чуть смелее замахнуться на культурно-столичный статус и, наконец, занять свободное место?»

Почему именно Красноярск может стать очередной площадкой, на которой развернется эксперимент по созданию культурной столицы в духе Гельмана? Прежде всего, потому что именно в Красноярске ведет активную деятельность Фонд Прохорова, руководит которым сестра олигарха Ирина Прохорова.

И тут важно отметить: несмотря на то, что культурная работа Фонда во многом сконцентрирована в Красноярске, амбиции его намного обширнее. Фонд стремится охватить своей активностью и другие российские регионы. И после покупки Михаилом Прохоровым доли акций Сулеймана Керимова в «Уралкалии» Фонд может начать активную работу в Пермском крае.

Чем чревата такая активность Фонда? И почему этой активности надо уделять особое внимание?

Дело в том, что, как и в случае с ДНК-центрами, работа Фонда нацелена на то, чтобы поменять (или, другими словами, разрушить) ядро русской культуры. Ирина Прохорова называет это сменой идентичности, и разговоры об этой смене идентичности идут постоянно и в самых разных контекстах. Так в начале ноября 2013 года Фонд Прохорова провел международный научный семинар на тему: «Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs. новые возможности».

В многочисленных интервью Ирина Прохорова говорит о том, что российское общество находится в поисках «способов социальной идентификации» и «из этого вообще не нужно делать проблему». Проблемы, правда, появляются сразу после прочтения нескольких ее тезисов, так как они противоречат один другому.

В одном месте она предлагает обществу «найти и разработать новые формы культурного единства» и говорит о том, что самый важный вопрос — это «на чем будет базироваться эта общность», «какая система ценностей будет положена в основу объединительной концепции».

А в другом месте речь идет о «печальной традиции нашей страны: у нас должен быть один сильный лидер, одна национальная идея, один литературный канон... Мы не научились выбирать из многого и вообще принимать разнообразие как норму существования современного общества. Всё время возникает желание «запретить» и «не пуцать».

Казалось бы, если речь идет о культурном единстве, то при чем тут «разнообразие как норма существования современного общества»? И, главное, о каком разнообразии идет речь? Но, в конце концов, пусть будет разнообразие. И тут, выясняется, что как только мы готовы сказать: «Черт с вами, пусть будет разнообразие, вы будете наслаждаться постмодерном, а мы — изучать советский культурный пласт и искать пути его развития», в ответ раздастся именно то самое «запретить и не пуцать!», которое на словах осуждает Прохорова.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько высказываний госпожи Прохоровой о советском периоде, о советской культуре и о путях выхода из советского «тулика». По мнению И. Прохоровой, существовало «чудовищное советское идеологическое искусство». В СССР господствовала «запретительная система, не позволявшая свободное циркулирование идей и мнений».

Представление о том, что советское общество было одним из самых читающих, по мнению Прохоровой, — миф. Более того. Даже то, что читалось, скорее вредило, чем приносило пользу, так как «в советское время качественные книги выпускались мизерным

тиражом и, как правило, совсем не попадали на прилавки и в библиотеки, а распространялись из-под полы среди знакомых или через сеть спецраспределителей для советской партийной знати...»

В итоге И. Прохорова приходит к выводу, что всё советское надо запретить, убрать с экранов. «По всем центральным телеканалам в течение всего дня идет целенаправленная дезинформация, — жалуется Прохорова. — Показывают советские фильмы, которые сами по себе — идеологические бомбы. Людям навязывают истерически-милитаристский дух с криками, поисками врагов, иностранных агентов, а достоверности и глубины как раз очень не хватает...»

Надежду на исправление ситуации Прохорова видит в том, чтобы молодые люди занялись поиском альтернативной информации, ходили в театры, интересовались поэзией, новыми книгами. И ее Фонд готов предоставлять молодежи эту альтернативу — новые книги, спектакли и лекции.

Сначала скажем о «новом» театре и о «новых» спектаклях. В планы Фонда Прохорова входит превращение Красноярска в театральную столицу. С благословения И. Прохоровой, мейнстримом красноярской театральной жизни стало переделывание классики. Заметим, что речь идет не только о советской классике, но и о русской классике.

Из Москвы в Красноярск привезли «Евгения Онегина» в постановке Римаса Туминаса. Ирина Прохорова считает, что «Евгений Онегин» Туминаса — это «удачный пример современного прочтения классической литературы». В интерпретации Р. Туминаса Евгений Онегин — во всем разочаровавшийся эгоист, не способный отдавать и испытывать настоящие чувства.

С одной стороны, господин Туминас ломится в открытую дверь. Ибо считать Евгения Онегина альтруистом было бы странно.

С другой стороны, разве отказ от циничного использования влюбленности русской девушки Тани Лариной, написавшей ему такое письмо, после которого он мог бы безнаказанно сломать ей жизнь, заведя с нею дешевый романчик, — это не проявление чувств под названием «благородство» и «сострадание»? А ведь Евгений, воспитанный французом в духе апологии свободной любви, мог повести себя иначе. И даже должен был бы поступить иначе. Но ведь не поступил! А принимая влюбленность Онегина в Татьяну Ларину, вышедшую замуж за генерала? Это тоже показатель неспособности испытывать настоящие чувства? И что такое настоящее чувство для господина Туминаса? Это что-нибудь «этакое»? Например, влюбленность Онегина в Ленского с вытекающими отсюда ЛГБТ-последствиями?

Впрочем, стоит ли договаривать за Туминаса. Лично я готова поддержать любую трактовку «Евгения Онегина», но при одном условии. Эта трактовка должна позволить мне погрузиться еще глубже в ту бездонность, которую и являет гениальное произведение Пушкина, «энциклопедия русской жизни», новое слово о человечестве. Если вместо этого стереотипы предыдущего прочтения, позволяющие ощутить сложность всех пушкинских образов, включая образ Евгения Онегина,

должны заменяться на стереотип, гласящий, что никакой сложности нет, а есть одни тупые выродки, населяющие великую русскую литературу, то это не новое прочтение, а война с нашей культурой. А значит, и с идентичностью. Война, ведущаяся под маской новых прочтений старого, пестования великой новизны и так далее.

14 ноября 2013 года на сцене Красноярского ТЮЗа состоялась премьера пьесы по мотивам «Метели» Пушкина. Автор сценария — драматург Василий Сигарев, режиссер — Александр Огарев. Круто взяли за Пушкина красноярцы-переосмыслители. И ведь не только за Пушкина!

Переосмыслители решили перелопатить всю великую русскую литературу, да так, чтобы ни у кого из молодежи не было возможности выбрать себе в друзья... ну, например, Андрея Болконского. Или Анну Каренину, переосмыслением образа которой красноярцы тоже занялись — вышеописанным способом.

Фонд Михаила Прохорова никак не хочет ограничиваться окормлением лишь одного Красноярска. Разработан и запущен проект «Новый театр». Цель его в том, чтобы помогать созданию инновационных театральных постановок и знакомить с ними зрителей сразу трех федеральных округов: Уральского, Сибирского и Дальневосточного. И, между прочим, участникам проекта опять-таки предлагается вышеописанное псевдопереосмысление классики. Оно же — война с собственной культурой.

В самом деле, по итогам последнего конкурса, Фонд выбрал в качестве победителя спектакль «Заговор чувств» в постановке Томского театра юного зрителя. Режиссер спектакля Илья Ротенберг получил поддержку от Фонда в сумме 1 млн. рублей. Стоит только коротко упомянуть о том, что источник — пьесу советского писателя и драматурга Ю. Олеши — спектакль И. Ротенберга не интерпретирует, а грубо переворачивает. Ю. Олеша в 1929 году поднимал вопрос о путях построения коммунизма и о людях, которые задержались в «старом порядке». Ротенберг же рассказывает о том, как страдая предприимчивый человек в обществе, где господствует уравниловка. Это называется переосмыслением Олеша? Или войной с Олешей как с представителем русской (в данном случае — советской) традиции?

Ротенберг, скажем, нравится «предприимчивый» культурный герой. Ну и оставь Олешу в покое, возьми другое произведение! Другого автора. Но не тут-то было. Ротенбергу надо не воспеть своего героя, ему надо проклясть героя Олеша, а заодно и Олешу, и назвать это новым прочтением. И что же, во имя новой идентичности подобным образом будут всю советскую литературу перелицовывать?

Ротенберг заявляет: «Для меня современный театр — тот, который говорит о нас с вами. Он говорит о том, что происходит сегодня со страной, с людьми, которые здесь живут. В нем идет поиск нового культурного героя. Мне кажется, прошло время, когда театр выполнял воспитательную функцию... Советский штамп «театр — это храм» нужно развеивать. Храм — это храм, а театр — это театр».

«Евгений Онегин» Р. Туминаса, сцена из спектакля

Несколько слов насчет того, кто назвал театр храмом. Это сделал Константин Сергеевич Станиславский, заявив: «Священнодействуй, или убираться вон!». А Ермолова? А Комиссаржевская? Вся русская театральная традиция говорила о том, что театр — это всё что угодно, но не развлечение. Это и кафедра, и храм... В этом суть русской театральной, и не только театральной, культуры. И советское тут ни при чем! О том, что театр — это театр и только, могли сказать эстетствующие французы. Но русские художники, оставаясь русскими художниками, этого сказать не могли.

Ну что ж. Их заставят это сказать после смерти, переосмыслив их творчество. Полно дурака-то валять! Советское... Нет, дорогие переосмыслители, не только с советским вы хотите расправиться, хотя и этого достаточно! Вы хотите расправиться с русской традицией и с русским духом. С русским своеобразием, с русской всемирно-исторической альтернативностью. Вы хотите сделать русское неотличимым от швейцарского. А поскольку это можно сделать, только убив русское, то этим убийством вы и занимаетесь, скрываясь под масками разных «переосмыслителей» и «инноваторов».

Кстати, об инноваторах. 29 ноября 2013 года в МХТ имени Чехова состоялась презентация Антологии современной швейцарской драматургии. В презентации приняли участие та же Ирина Прохорова (ну прямо вездущая госпожа) и швейцарский драматург Лукас Берфус. В России Берфус известен пьесами «Сексуальные неврозы наших родителей» и «Путешествие Алисы в Швейцарию» (о девушке, решившей пойти на экзотическую). Обе книги напечатаны издательством Ирины Прохоровой «Новое литературное обозрение», сокращенно НЛО.

Наиболее тоскливое чувство вызывает то, что все эти кажущиеся эстетскими изыски (переосмысления, инновации и так далее), очевидно подчинены грубейшим политическим целям. Давайте присмотримся к тому, что именно издает госпожа Прохорова в своем «Новом литературном обозрении» помимо книг, пропагандирующих экзотизацию?

В 2012 году, сразу после скандала на выборах в Государственную Думу 4 декабря 2011 года, НЛО выпустило сборник «Разгневанные наблюдатели: Фальсификации парламентских выборов глазами очевидцев». Собственно, почему бы госпоже Прохоровой не выступить против фальсификации? Но не с фальсификациями Прохорова хочет бороться, а с любыми попытками российского не инновационного, не переосмыслительного большинства помешать инноваторам и переосмыслителям разрушить страну и ввести на ее территорию войска НАТО.

В ноябре 2013 года издательство презентовало новую книгу: «Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому». Ирина Прохорова привезла книгу на книжную выставку в Нью-Йорк и на книжную выставку в Красноярске. Цель книги, как ее описывает издатель, — доказать, что «Болотная площадь — едва ли не последнее в ряду огромного количества серьезных социальных движений, которые происходят в стране». То есть подвести «научную базу» под то, что происходило в Москве на Болотной площади. Доказать, что это был не «оранжевый» эксцесс, запущенный сторонниками Шарпа при содействии кремлевских либералов, а глубинное народное недовольство.

Глубинное?.. Ничто так не ненавидит глубинка, как дух оранжевого мятежа, прославляемого госпожой Прохоровой. Из этого вовсе не следует, что глубинка любит власть. Но этот дух мятежа глубинка ненавидит с особой сосредоточенностью, понимая, что носители этого духа хотят истребить всё, что любит эта глубинка. И навязать глубинке всё то, что эта глубинка ненавидит. Причем навязать тоталитарными способами. Других способов навязывания этого глубинке не существует.

Продолжение — в следующем номере.

Мария Рыжова

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

Не стоит забывать о давних иранских обещаниях, что если только Баку политически двинется в направлении возможного размещения военных баз США, то главной мишенью для Ирана станут азербайджанские нефтедобывающие комплексы

Иран на новом этапе ближневосточного мироустроительного конфликта

В прошлых выпусках нами была рассмотрена новизна положения в Сирии и Египте. А также напрямую связанная с этой новизной позиция Саудовской Аравии в регионе. Это исламское государство, всерьез рассчитывавшее на удар США по Сирии, после отмены такого удара в августе–сентябре текущего года взяло курс на проведение собственной, независимой от США, политики в регионе.

Итак, Сирия, Египет и Саудовская Аравия вошли в новый этап ближневосточных мироустроительных конфликтов. А Иран? Как сказывается на политике Запада в отношении Ирана и его положении в регионе отмена (или отсрочка) прямого военного вмешательства США в сирийский конфликт? Это вопрос далеко не второстепенный, поскольку именно неизбежность войны с Ираном после удара по Сирии была одной из серьезных проблем, сыгравших свою роль в отказе Запада от нанесения такого удара.

Казалось бы, если Сирия — в том числе при определенной роли Москвы и Тегерана — избежала скорой и трагической развязки, то и с мощным Ираном все обстоит более чем обнадеживающе.

В самом деле, 7 ноября глава МИД Ирана заявил, что противоречия ИРИ с Западом по ядерной проблеме, при должном усилии сторон, могут быть разрешены в самые короткие сроки.

11 ноября в Тегеране начались переговоры экспертов МАГАТЭ с представителями Ирана. По итогам переговоров было подписано соглашение Ирана с «шестеркой» (США, Великобритания, Франция, Германия, Россия, Китай), в соответствии с которым в течение трех месяцев Иран должен отчитаться перед МАГАТЭ по шести пунктам. В частности, по этому соглашению Тегеран должен предоставить данные о расположении всех 16 площадок, отведенных под строительство АЭС, а также обо всех исследовательских реакторах.

Вскоре после этого в Америке Белый дом даже предостерег сенат от ужесточения санкций против Ирана, поскольку такое ужесточение практически уничтожило бы достигнутые в Женеве соглашения по иранской ядерной программе.

Так что все вроде бы идет отлично. Через несколько дней после подписания соглашения издание The Daily Beast написало, что США готовы предоставить Ирану компенсацию в размере до 10 млрд долларов за ущерб, нанесенный иранской экономике. И что это предложение было сделано Ирану в рамках переговоров в Женеве. Таков примерный объем американских «политических реверансов».

Однако чем же на деле сопровождаются эти дипломатические «улыбки» Запада?

Описанные картины «почти потепления» соседствуют с реально действующей в отношении Ирана стратегией напряженности. И если в отношении Сирии вместо прямого военного воздействия с Запада применяется тактика усиления количественного и качественного присутствия иностранных боевиков в стране — то и в отношении Ирана действует примерно та же схема изменения политики. Место прямого экономического и политического давления и угроз занимают многочисленные диверсии и политические убийства.

10 ноября в Тегеране был застрелен заместитель министра промышленности, шахт и торговли Сафдар Рахтамабади. Замминистра получил ранения в голову и грудь от человека, сидевшего в его машине.

Через четыре дня полиция объявила о том, что убийца задержан. И что «задержанный имел личные мотивы для совершения преступления». Замначальника иранской полиции бригадный генерал Ахмад-Реза Радан сообщил, что «причиной инцидента мог послужить личный конфликт, не связанный с вопросами национальной безопасности». Этому можно было бы поверить, если бы не слово «шахты» в названии должности убитого замминистра. Это слово однозначно адресует к давним

Тегриз

разговорам о наличии у Ирана ракет, размещенных в шахтах. А значит, скорее всего, относит убийство к разряду политических.

19 ноября в результате террористического взрыва погиб атташе по культуре иранского посольства в Ливане Ибрагим Ансари. Всего от взрыва возле иранского посольства погибли 25 человек и 155 были ранены.

Пока что мы назвали убийства иранских чиновников высокого уровня, причем только последние. Помимо них, происходят и крупные приграничные инциденты.

26 октября иранское агентство Fars сообщило о том, что на ирано-пакистанской границе в иранской провинции Систан и Белуджистан произошел бой, в котором погибли 14 иранских пограничников. Такие происшествия именно в иранском Белуджистане имеют особое значение потому, что этнические белуджи заселяют приграничные районы не только Ирана, но также Пакистана и Афганистана. А значит, поджигание этого «очага напряженности» вводит в зону мироустроительного хаоса, помимо Ирана, еще два новых государства.

В этот же период на ирано-иракской границе произошла перестрелка иранского Корпуса стражей исламской революции с членами некоей террористической группировки.

6 ноября был расстрелян в упор из автоматов Муса Нури, прокурор города Забол в провинции Систан и Белуджистан. Ответственность за убийство взяла на себя суннитская группировка «Джейш аль-Адль» («Армия справедливости»).

Кроме того, тревожными остаются отношения Ирана с Саудовской Аравией. 28 ноября в территориальных водах Ирана были задержаны две саудовские рыболовецкие шхуны с многонациональными командами. Вроде бы, частный эпизод. Однако он выглядит по-другому, если сопоставить его с иранскими обвинениями в адрес Саудовской Аравии о том, что именно эта страна готовит сепаратистских боевиков на иранских окраинах (в том числе, в Белуджистане).

На эти конфликтные внешнеполитические процессы наложился очень важный внутривосточный сюжет.

Через два дня после того, как получили известность сведения The Daily Beast о «десяти миллиардном предложении» со стороны США, пятьдесят членов иранского парламента потребовали обсудить, как приоритетный, вопрос о переносе иранской столицы и Тегерана в другой город.

21 октября агентство ИСНА сообщило, что иранский парламент согласился с возможностью переноса столицы Ирана из Тегерана в другой город. Член парламентского комитета по развитию Ахсан Алави заявил, что комитет займется поиском наиболее подходящего центра для политического центра страны. Президент страны Хасан Рухани также принимает активное участие в проекте.

С такой категоричностью вопрос о переносе всего политического центра страны в другой город ставится впервые. В чем же дело?

Тегеран сильно перенаселен. Он действительно считается самым крупным городом в Азии и насчитывает около 13 миллионов жителей. Это первая из причин, которые называются в качестве обоснования для переноса столицы.

Вторая — город расположен у подножия горного хребта Эльбурс и находится в зоне

большой сейсмической активности. Главным доводом считаются именно рекомендации иранских сейсмологов, которые настаивают, что город стоит над многочисленными сейсмоопасными разломами. По этому вопросу существуют также заключения японских сейсмологов, установивших, что сила подземного толчка в районе Тегерана может достичь 7–8 баллов по шкале Рихтера. И тогда число жертв вероятного землетрясения, при разрушении 80% зданий в городе, может превысить 1 миллион человек.

Между тем, вопрос о переносе столицы из Тегерана в другой город обсуждается более тридцати лет. Причем одним из самых последовательных сторонников этой идеи является духовный лидер Ирана — аятолла Хаменеи. Подготовка к смене месторасположения столицы была начата в 2009 года после рекомендации, данной Советом политической целесообразности. Инициатива принадлежала именно аятолле Хаменеи.

Затем вопрос вновь начал обсуждаться в декабре 2012 года. Тогда депутат иранского парламента Мирхади Карасейед заявил о том, что в парламенте принято решение о создании особой комиссии по вопросам, связанным с переносом столицы из Тегерана. Уже тогда было известно, что в состав комиссии должны войти глава МВД, два депутата меджлиса, два представителя аятоллы Хаменеи как духовного лидера страны, а также представитель Совета политической целесообразности (которым руководит аятолла Хаменеи), министр градостроительства, генеральный прокурор, представитель Совета национальной безопасности и начальник штаба гражданской обороны. Очевидно, что ядро комиссии сконцентрировано вокруг Хаменеи, духовного лидера Ирана.

Так вот, еще тогда, в декабре 2012 года, Карасейед сообщил, что наиболее вероятным претендентом на звание новой иранской столицы будет Тегриз. Такой выбор помещает вопрос о смене иранской столицы в особую плоскость, поскольку Тегриз является административным центром провинции Восточный Азербайджан. Большинство его населения составляют не персоязычные, а тюркоязычные граждане Ирана — в отличие от Тегерана.

Крупнейшие группы населения в многонациональном Тегеране: персы, азербайджанцы и мазендеранцы. Тегеран стал столицей Ирана еще в конце XVIII века и является крупнейшим персоговорящим городом мира. Таким образом, один из главных аспектов его значения в том, что он является именно персидским политическим центром. В то время как мировыми центрами шиизма считаются Неджеф и Кербела на территории Ирака, а также Кум в Иране.

Поэтому перенос иранской столицы из персоговорящего мегаполиса Тегерана в тюркоговорящий азербайджанский Тегриз может очень серьезно затронуть политический баланс между персидским этносом, государствообразующим для Ирана, и тюркским суперэтносом, составляющим основу населения во многих соседних странах. И это при том, что в Иране около 60% процентов населения — персы, и лишь около 16% — азербайджанцы.

Не исключено, что какую-то роль в выборе места столицы играет тот факт, что Великий аятолла Сейед Али Хосейни Хаменеи, духовный лидер Ирана, является этническим азербайджанцем. Однако преувеличивать

роль этого обстоятельства не стоит, учитывая именно религиозную значимость фигуры теократического правителя не только для Ирана, но и для всего шиитского мира.

Возможно, что не последним доводом при выборе места является тот факт, что Тегриз (в отличие от Исфахана, Казвина, Шираза, Мешхеда) столицей персидского государства в строгом понимании не был. Однако в первой половине XVI века город являлся столицей империи при династии Сефевидов, выдвинувших на первый план не национальный принцип построения государства, а религиозный. Именно при них шиизм стал для страны государствообразующей религией. И для сегодняшнего теократического Ирана образ Тегриза как исторического шиитского политического центра не может не иметь особого значения.

Отметим попутно, что исторический район древней Атропатены, где расположен Тегриз, играл особую роль для персидского государства и в доисламский период его существования. Именно в этом районе, по преданиям, проходила жизнь и деятельность Заратуштры, пророка древнеиранской религии, названной его именем (зороастризм) и, без сомнения, имеющей мировую значимость. В этом же районе находился и один из «великих храмов огня» зороастрийцев. А современные идеологические и религиозные конфликты в регионе настолько сложны и противоречивы, что еще неизвестно, какую именно значимость может приобрести в XXI веке такого рода идентичность. Ведь в случае, если мироустроительный хаос в регионе усилится, нельзя исключать, что на поверхность актуальной политики начнут всплывать (пусть даже в скрытом виде) религиозные пласты еще и не такой древности.

Однако при обсуждении столь судьбоносного для жизни страны вопроса, как выбор места для новой столицы, решающее значение, вероятно, имеют гораздо более прагматические соображения. В частности, считается, что перенос столицы из Тегерана в Тегриз осложнит бы гипотетическую военную операцию против иранского политического центра, резко увеличив расстояние до цели для американской авиации, размещенной в Персидском заливе.

Но зато это же перемещение значительно повысило бы значение кавказского Азербайджана как территории возможного размещения военных баз США. И тут не стоит забывать о давних иранских обещаниях, что если только Баку политически двинется в подобном направлении, то главной мишенью для Ирана станут азербайджанские нефтедобывающие комплексы. Об этом уже не раз было открыто заявлено в Иране.

Такие сугубо военные соображения никак нельзя признать неактуальными. Еще в середине 2010 года военное ведомство США объявило о намерении заключить с Саудовской Аравией договор на 60 млрд долларов на поставку военной техники. Договор считается одним из крупнейших в истории США. И при его заключении практически открыто говорилось о том, что направлен он именно против Ирана.

Если всерьез относиться к декларациям США об их отстранении от процессов в странах «арабской весны», то приходится сделать вывод, что основными противниками в регионе после такого отстранения остаются Иран и Саудовская Аравия («столпы» шиизма и суннизма, причем наилучшим в регионе образом вооруженные). И потому в скрытом виде основная линия мироустроительного конфликта на Ближнем Востоке проходит именно между этими государствами.

Мироустроительные процессы на Ближнем Востоке никуда не ушли, они лишь меняют обличье. Так что, обсуждая перенос столицы из Тегерана, иранцы на деле всматриваются в новые контуры мироустроительных противостояний и готовятся к росту региональных и локальных конфликтных напряжений.

Мария Подкопаева

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВОЙНА

Муссолини — полностью в духе концепта Ж. Сореля — начал создавать партию «прямого действия» — массового насилия, призванного воплотить древнеримский имперский миф

Итальянский фашизм: конкуренция за роль вождя

Еще раз подчеркнем, что именно итальянский фашизм — впервые в Новой истории — реализовал основные концепты «теории элит» и решительно и открыто отменил фундаментальные принципы Великой французской революции — Свободу, Равенство, Братство. Успех этой попытки нельзя понять без анализа причин и условий прихода фашистов к власти. Здесь, как говорится, дьявол кроется в деталях.

А потому — об этих деталях.

В ходе международных конференций по переделу мира после Первой мировой войны Италия, как один из победителей, получила лишь часть обещанных союзниками при вступлении в войну итальянских территорий, ранее захваченных Австро-Венгерской империей. Италии, в частности, не вернули районы побережья Адриатики в Далмации и Албании, сохранявшие по преимуществу итальянский состав населения.

Это возбудило в Италии массовое ощущение «украденной победы» и широкую и острую волну националистического реваншизма.

Разочарование послевоенной ситуацией было массовым и сильным. Его пытались — не без успеха — использовать в политических целях и воспрянувшие на фоне этого разочарования «антивоенные» социалисты, и католические «пополари», и националисты, и фашисты. Но в итоге сполна — хотя и не сразу — это массовое разочарование использовал именно Муссолини.

Его фашистская «лига», созданная до войны, уже в ходе войны начала прирастать новыми членами, имевшими боевой опыт. А 23 марта 1919 г. Муссолини созвал в Милане учредительный съезд фашистской партии *Fasci italiani di combattimento* («Итальянский союз борьбы»).

Четкой политической программы у Муссолини на тот момент еще не было. Более того, Муссолини, памятуя успех своего резкого довоенного политического «перепозиционирования» от антивоенного интернационализма к милитаристскому национализму, в выступлении на учредительном съезде партии заявил (явно адресуясь к Макиавелли): «*Мы позволим себе роскошь быть одновременно аристократами и демократами, революционерами и реакционерами, сторонниками легальной борьбы и нелегальной... И всё это — в зависимости от места и обстоятельств, в которых нам придется действовать*».

Муссолини объявил главной целью партии воссоздание величия Италии как новой Римской империи. Символом партии были избраны фации, а в числе ее первоочередных задач Муссолини назвал организацию «боевых отрядов». То есть Муссолини — полностью в духе концепта Ж. Сореля — начал создавать партию «прямого действия» — массового насилия, призванного воплотить древнеримский имперский миф.

Фашистская партия начала быстро приобретать сторонников и в городах, и в деревне. Но Муссолини тут же столкнулся с серьезной конкуренцией на крайне правом политическом поле.

Конкуренцию составил уже упоминавшийся нами Габриэле Д'Аннунцио. Который, несмотря на свою общеизвестную моральную нечистоплотность (брошенная жена и десятки любовниц, непоплаченные долги, лживые утверждения, погони от кредиторов, обманутые издатели и т. д.), еще до начала Первой мировой войны стал самым читаемым и уважаемым итальянским поэтом и писателем.

С началом войны Д'Аннунцио одним из первых встал на позиции радикального «имперского» интервенционизма и первым начал широко использовать — причем в нарочито театральных формах — древнеримский миф. В это время Д'Аннунцио выходит на свои многолюдные митинги облаченным в римскую тогу, призывает к борьбе Италии за владычество на «*mare nostrum*» (так называлось Средиземное море у древних римлян), возрождает для своих сторонников приветственный жест древнеримских легионеров — салют поднятой правой ладонью.

Со вступлением Италии в войну пятидесятидвулетний Д'Аннунцио идет добровольцем на флот, где вскоре проводит со своим отрядом торпедных катеров первую в мире атаку катеров на военно-морскую базу — на австрийской форт Буккари. Эта атака была в военном смысле бессмысленной: вражеских кораблей в тот момент в бухте не было. Но политический резонанс и в Италии, и в мире вылазка Д'Аннунцио получила.

Из флота Д'Аннунцио уходит в авиацию, где становится одним из самых известных летчиков. И не благодаря своей литературной славе: он воюет рискованно, смело и результативно. И через год после атаки на Буккари — опять-таки впервые в мире — проводит еще одну операцию, вошедшую в военные анналы. Своей бомбардировкой столицы врага Вены Д'Аннунцио открывает эпоху применения дальней бомбардировочной авиации.

Закончив войну подполковником, Д'Аннунцио выходит в отставку с огромной популярностью и среди военных (в особенности в элитных частях), и среди широких итальянских масс, включая миллионы демобилизованных солдат и офицеров. Король Виктор-Эммануил III и правительство хотят привлечь такую политически ценную фигуру на свою сторону: Д'Аннунцио предлагают звание маршала авиации и пост вице-премьера. Но расчетливый и циничный Д'Аннунцио не хочет связывать себя со слабой и осторожной властью.

Когда в 1919 г. становится ясно, что на переговорах в Версале союзники решают передать древний итальянский город Фиуме не Италии, а новообразованному Королевству сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии), делегация из Фиуме приезжает к Д'Аннунцио и предлагает ему возглавить сопротивление.

Д'Аннунцио сначала пытается склонить к «военному» способу разрешения проблемы Фиуме командующего армией Пьетро Бадольо и короля. Но когда они отказываются, принимает предложение фиумцев и начинает свой «поход». При этом Д'Аннунцио предлагает Муссолини включить в «поход на Фиуме» и его фашистов. Но Муссолини отвечает уклончиво. Он еще не готов решительно выступить против власти. И, кроме того, понимает, что в таком случае и он сам, и его партия окажутся в политическом обозе главы «похода».

«Поход на Фиуме» начинается 11 сентября 1919 г. Впереди, в открытом «Фиате», засыпанном лепестками роз, едет Д'Аннунцио, а за ним — пятнадцать грузовиков с «войском». Это в основном вооруженные сторонники лидера из бывших армейских штурмовых отрядов, так называемые «ардити» («отважные»). По дороге к походу присоединяются солдаты и беженцы, а перед границей — командующий экспедиционным корпусом в Фиуме генерал вместе со своими частями, которые должны были остановить Д'Аннунцио.

Д'Аннунцио торжественно въезжает в город, объявляет себя «команданте» (отметим, что это звание в дальнейшем присваивали себе очень многие революционеры, прежде всего анархического склада) и становится реальным хозяином Фиуме. Он заявляет собравшимся горожанам: «*Итальянцы Фиуме! В этом недобром и безумном мире наш город сегодня — единственный островок свободы... Мы — это горстка... мистических творцов, которые призваны посеять в мире семена новой силы, что прорастет всходами отчаянных дерзаний и яростных озарений*».

Правительство не может не отреагировать на такое скандальное самоуправство: премьер Нитти приказывает войскам окружить город. Но войска уже распропагандированы Д'Аннунцио, и потому никаких военных действий против него не ведут. А далее в Фиуме со всех концов Италии начинают собираться не только «ардити», но и дезертиры из армии, а также разного рода беглые публика и просто досужий сброд. И, наконец, в сентябре 1919 г. на сторону Д'Аннунцио переходят капитаны блокировавшие Фиуме с моря боевые корабли.

После этого Д'Аннунцио пишет Муссолини письмо, окончательно определившее отношение будущего диктатора к своему конкуренту: «*Я в равной степени потрясен Вами и итальянским народом... Вы хнычете... мы боремся... Где Ваши фашисты, Ваши волонтеры, Ваши футуристы?.. Прокончайте дырку в Вашем брюхе и спустите жиф. Иначе это сделаю я, когда моя власть станет абсолютной*».

Муссолини отправляет в Фиуме деньги и отряды своих фашистов, пишет о Фиуме восторженные статьи. Но уже никогда это письмо Д'Аннунцио не забудет.

А Д'Аннунцио превращает жизнь в Фиуме в театрализованное представление. Для начала лично пишет проект конституции — в стихах. И лишь под давлением соратников поручает составить конституцию в прозе своему «премьер-министру», но включает в нее такие статьи, как обязательное музыкальное образование для детей, официальный государственный религиозный культ муз (и строительство храмов для него), особые «мягкие» законы (самым суровым наказанием было изгнание преступника из «вольного города») и т. п.

Министром культуры Д'Аннунцио приглашает великого композитора Артуро Тосканини, министром иностранных дел назначает бельгийского поэта-анархиста Леона Кохницкого, министром финансов — трижды судимого за кражи авантюриста. А также учреждает пурпурный государственный флаг Фиуме с созвездием Большой Медведицы, заключенным в кольцо из мифического змея Уробороса, кусающего собственный хвост. И одновременно — по древнеримскому образцу — распределяет своих ардити на легионы, когорты, манипулы и т. д.

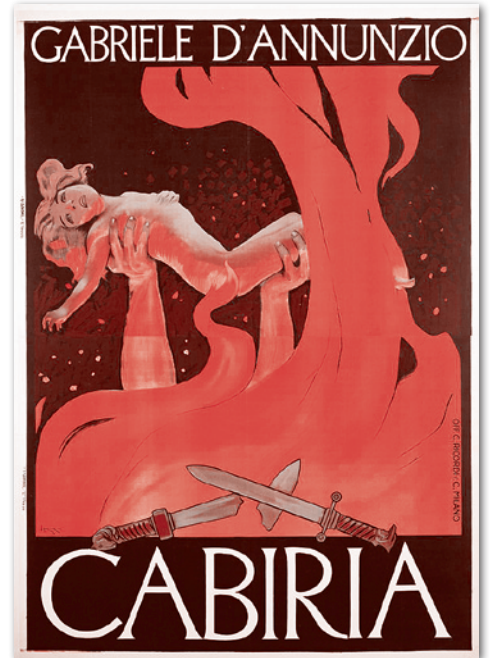
В городе идут нескончаемые парады ардити и жителей в черных рубашках под знаменами с изображением мертвой головы, на площадях гремят оркестры, звучат сочиненные команданте военные песни. Д'Аннунцио постоянно выступает перед горожанами с зажигательными речами, иногда несколько раз в день. Современники отмечают, что он как никто владел магией публичного слова: его достаточно простые и однообразные по содержанию выступления (как правило, с немалой дозой мистики) завораживали публику и вызывали у нее буквально экстатическое состояние (кстати, это в точности описанный мною ранее «эффekt толпы» по Г. Лебону).

А ночи в «вольном Фиуме» фактически превращались в карнавал нон-стоп в духе Рабле — разухабистые пляски, разврат, пьянство, наркотики каждый день до утра.

Поскольку город в основном «идеологически заряжался» и веселился, но почти ничего не производил, в нем нередко было нечего есть. Д'Аннунцио решил эту проблему, отправив прислужившие ему военные корабли пиратствовать по Средиземному морю. Однако хлеба всё равно не хватало, и жителям «для поддержания сил и боевого духа» начали прямо на улицах щедро раздавать кокаин. К которому быстро пристрастился и сам команданте.

Конечно, эта странная идилия «вольной пиратской республики» могла продолжаться лишь до тех пор, пока правительству Италии такой Фиуме был нужен для политического торга с союзниками. По Рапальскому договору 12 ноября 1920 г. основные территории Далмации, включая Фиуме и окрестности, отошли к Королевству сербов, хорватов и словенцев. После чего правительственные войска и крейсера Италии взяли Фиуме в жесткое кольцо блокады. 2 января 1921 г. Д'Аннунцио сдал город под гарантии помилования всех жителей. И вскоре — уже скромно и с небольшой охраной — вернулся на родину. Где неуклонно обострялась и социально-экономическая, и политическая ситуация.

Война оставила Италию с «раздутым» военно-промышленным комплексом, огромными долгами по военным кредитам и без новых колоний, которые могли бы стать источником сырья для промышленности и зоной эмиграции избыточного населения.

Особенно тяжелым было положение в деревне. В преимущественно крестьянской Италии деревня не получала почти ничего из военных субсидий, но туда с войны вернулись более 3,5 млн человек из 4 млн фронтовиков.

И без того традиционно низкое в Италии доверие к парламенту и правительству, «приигравшим победу», совсем рухнуло. По всей стране росла роль «низовой демократии» в виде местных профсоюзов-синдикатов и лиг, народных банков, сельских касс, производственных кооперативов, католических и социалистических союзов и так далее. Именно этим полустихийным «низовым» объединениям трудящихся приходилось решать нарастающие практические проблемы организации выживания своих членов.

А решать эти проблемы в условиях хозяйственного хаоса и неуклюжих и непоследовательных попыток центральной власти его обуздать — было всё труднее. И элиты, и широкие массы требовали порядка. И чем глубже был кризис, тем острее было массовое взыскание порядка.

Весь период «Фиумской республики» Муссолини очень внимательно следил за действиями Д'Аннунцио. И усваивал и перенимал его эффектные приемы — от черных рубашек до торжественных парадов поклонников с салютами команданте поднятием правой руки, и от загадочно-мистической символики ритуалов вождя до словесной магии ярких митинговых выступлений. Он понимал, что всё это важно. Но понимал и другое. Что в Фиуме был вождь и нужный фашистский стиль, но не было порядка и работы. Что бегемный аристократ-одиночка с нищенской психологией задачи порядка и работы не решал и решать не собирался. И потому об абсолютной власти лишь говорил.

А Муссолини такую власть хотел получить. И настойчиво работал, создавая мощную организацию. Если в 1919 г. численность его фашистов не превышала десяти тысяч, то к началу 1921 г. в партии было уже более сотни тысяч членов. Причем членом, объединенных — в отличие от «фиумского прецедента» Д'Аннунцио — партийной иерархией и дисциплиной.

На Муссолини работала и ситуация. На парламентских выборах в ноябре 1919 г. либералы и демократы были разгромлены. Власть в парламенте получили социалисты (156 мест) вместе с католическими популяри (95 мест). Но... победители тут же отказались сотрудничать, поскольку социалисты решительно взяли на вооружение лозунги российских большевиков: «Земля — крестьянам, заводы — рабочим». И по стране покатались волны низовых бунтов. На юге крестьянские синдикаты и ассоциации захватывали и делили земли латифундистов, богатых арендаторов и кулаков. На севере к осени 1920 г. множество заводов было захвачено рабочими.

Вот тут-то и оказались востребованы выпестованные Муссолини фашистские отряды — «скаудри».

Юрий Бялый

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

Всё это позволяет предположить, что конференции и семинары, посвященные вопросам «регионализма» и «идентичности», — не случайность. И что представители Евросоюза и наши регионалисты вместе работают на один «проект» под названием «Развал России»

Региональная элита России или элита регионализации страны?

С различными рассуждениями о «неминуемом развале России» на протяжении уже более 20 лет выступает не только часть отечественных либеральных экспертов и журналистов, но и немало их зарубежных коллег. На подобные публикации можно было бы перестать обращать внимание — если бы не то обстоятельство, что в ряде российских регионов представители как зарубежной так и отечественной научной и политической элиты уже активно работают на реализацию разрушительных для России идей.

Для начала один пример работы зарубежных экспертов.

21 ноября на сайте информационного агентства REX появилась статья американского эксперта И. Трейгера «Действительно ли в будущем нас ждет раскол или расчленение России: мнения. Насколько реалистичны эти планы?». Автор polemизирует с выводами некоего «анонимного эксперта», размещенными еще в 2012 году на сайте Агентства политических новостей (АПН). Трейгер, в частности, не согласен с тем, что США заинтересованы в «расчленении» Российской Федерации. Он утверждает, что наша страна якобы «распадется сама... т.к. российская экономика стремительно пошла вниз... и регионам придется самостоятельно (от центра) искать пути к выживанию», например в виде нахождения «своего иностранного инвестора».

Здесь же автор ссылается и на «схему раскола» России, представленную «анонимным экспертом» на сайте АПН: «Дальневосточная, Магаданская и Красноярская (или Восточно-Сибирская) республики, Сибирская конфедерация (в которую «влилась» часть сибирских регионов, Алтай и Кузбасс), «Большой Урал», Поволжская конфедерация (с Татарстаном и Башкирией), Северное Соглашение (регионы от Пскова до Ненецкого АО), республика российского Кавказа (якобы, начинающие «захват Ставрополя и Краснодарского края)... А Московское «княжество» сожмется до центрального Нечерноземья».

Можно было бы сказать: «Да мало ли в Интернете за эти годы накопилось различных фантазий относительно будущего России», — и в очередной раз (ссылаясь, в том числе и на материалы нашей газеты) предъявить автору доказательства работы США на распад России. Но дело не в фантазиях и не в очевидной подрывной деятельности западных структур против нашей страны. Дело в том, что часть региональной элиты — при поддержке Запада — фактически действует именно в русле реализации такого рода «расчленительных фантазий».

Начнем с такого явления как мероприятия, посвященные теме «регионализации». Напомним, что в общепринятом значении этот термин означает процесс перераспределения властных полномочий (в том числе, политических и финансовых) между Центром и регионами в пользу последних. Здесь же приведем и общеизвестное значение слова «регионализм» (широко применяемое участниками таких встреч) — «различные формы социально-культурной и политической самоидентификации территориальных сообществ, проявляющих себя в идеях, ... намерениях и действиях, направленных на сохранение самобытности региона или повышение его статуса в системе государств-наций».

И сразу же обратим внимание на следующий факт. Несмотря на то, что «регионализм» (в своем первоначальном значении) не нацелен на «развал государства», часть российских конференций и «круглых столов», посвященных данной тематике, сводится к обвинению Федерального центра в «излишней централизации власти и подавлении местной инициативы». Причем в таких формах, где довольно часто бывает трудно провести грань между

конструктивной аргументацией и оправданием сепаратистских идей.

В предыдущих статьях мы уже рассказывали о совместных мероприятиях либеральных экспертов и «теоретиков регионализации России», проводимых в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). В данном случае свои «идеи» (уже не в интернете, а в крупнейшем либеральном ВУЗе) обсуждали именно те «теоретики», которые выступают за «распад» страны.

В регионах местная элита пока на такие акции решается очень редко, и обычно проводит «обкатку идей регионализма» в рамках своего узкого научно-экспертного сообщества. Но иногда и такие обсуждения выглядят весьма двусмысленно.

Сразу отметим, что рассматриваемые ниже материалы привлекли наше внимание по одной причине: стиль подачи, аргументация и терминология авторов — временами явно адресовали к уже рассмотренным нами ранее идеям сибирских регионалистов (кстати, часть из них присутствовала и на аналогичных обсуждениях в НИУ ВШЭ).

Итак, в начале сентября 2012 года в Омском Государственном Университете им. Ф. М. Достоевского прошла Всероссийская молодежная конференция «Актуальные проблемы российского регионализма: идеология и культурология в истории и современной философской и общественно-политической мысли».

Сразу обратим внимание на то, что в региональной прессе периодически появляются материалы, в которых идеи сибирских «областников» XIX века, адресующие к «отделению Сибири», до сих пор считаются актуальными. И подчеркнем, что в сборнике материалов омской конференции встречаются доклады, в которых видно влияние идей «областничества» на позицию авторов.

Вот, к примеру, доклад сотрудника Института философии и права Сибирского отделения РАН из Новосибирска Д. Винника, в котором говорится об «актуализации политической аргументации сибирского сепаратизма... в условиях критического снижения эффективности управления со стороны центральных властей».

Цитата: «Недовольство жителей колоний своими метрополиями в той или иной степени имеет место всегда. Очевидно, что интересы центра и периферии не могут совпадать полностью... Население сибирских регионов в той или иной степени осознает собственные интересы, через противопоставление их экономическим интересам московских «варягов»...».

На молодежной конференции произошла презентация исследования, проведенного при поддержке германского либерального Фонда Фридриха Эберта и полностью отвечающего тематике мероприятия. «Сибирская идентичность как форма протеста» — так назывался доклад сотрудников Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НИИ ГУ) А. Анисимовой и О. Ечевской.

Напомним, что термин «идентичность», в первую очередь, адресует к устойчивому отождествлению человека с теми или иными «социальными, национальными, политическими... и иными общностями».

В рамках рассматриваемого проекта его исполнители не только провели соцопросы в трех сибирских городах (Новосибирск, Омск, Иркутск) в период оформления «белоленточного протестного движения» (осень-зима 2011 года) и познакомились с литературой, посвященной «идентичности в глобализирующемся мире». В процессе своей работы авторы обратились и к «трудам» современных теоретиков «сибирской независимости». Среди них, в частности, оказались уже известный нам своими рассуждениями о «сибирской нации» эксперт и публицист Д. Верхотуров,

а также изобретатель «сибирского языка» Я. Золотарев.

Судя по тексту данного доклада, его авторы всерьез увлеклись идеями сторонников «отделения Сибири». Так, они пишут: «... Сибирская идентичность представляет особый интерес как новый политический проект (в широком смысле слова)... Всё большее развитие получает взгляд на идентичность, как на подвижную, ... ситуативную категорию, происходит смещение фокуса исследовательского интереса от теорий... к изучению процессов конструирования идентичности на уровне повседневности...».

«Конструирование идентичности»... Именно этим уже давно занимаются создатели в России новых «национальных идентичностей» и «новых народов» («поморов», «казаков», «сибиряков») для обособления российских регионов и дробления территории страны на множество «независимых княжеств».

Все эти «конструкторы», а также те, кто привлекает для своих «исследований» их идеи, сполна используют нынешнюю регрессивную экономическую ситуацию в России и бедственное положение многих регионов страны. Сами же авторы вышеупомянутого исследования, опираясь на свои соцопросы, указывают, что успех конструкторов «сибирской идентичности» напрямую зависит от «дальнейшего ухудшения экономической ситуации» и нарастания недовольства «политикой центра в отношении регионов».

То есть ухудшение ситуации и нарастание недовольства являются главными условиями успешного конструирования «сибирской идентичности»! При этом цитируются старые слова о том, что в Москве «к Сибири есть отношение как к колонии». Но — ни слова о том, что создает такую реальность. О том, что построенный по криминальным правилам «русский капитализм» является в основном паразитарным и рассматривает как свою «вотчину» всю российскую территорию, откуда еще можно извлечь быструю и бешеную прибыль. Что такой «капитализм» разрушает экономику страны, ломая при этом все представления о законах и социальной справедливости, а также всю систему межрегиональных и межнациональных отношений, ранее с огромным трудом выстроенную в СССР.

Хотя тот же доклад признает — все-таки опросы проводились, и их результаты известны: «... Советские времена вспоминаются как годы развития и процветания Сибири, как «золотой век», когда Сибирь занимала достойное место в экономике страны, а сибиряки чувствовали заботу руководства страны, как все советские люди... Сегодня сибиряки не видят заботы центра... Идея о том, что «сибиряк» — это «национальность» широкой поддержки жителей региона пока не находит... Сибирская идентичность, как правило, имеет протестный характер».

Омская конференция, которую мы обсудили — не единственное мероприятие, где обсуждалась тема «сибирской идентичности».

15 ноября 2013 года в Томском государственном университете (ТГУ) прошел «первый методологический семинар по теоретическим проблемам исследования идентичностей в пространствах городов». В организации семинара принимали участие Лаборатория социально-антропологических исследований (АСАИ) при ТГУ и Центр Европейского Союза в Сибири (ЦЕСС), возникший в университете в июле 2011 года при поддержке Евросоюза. Отметим, что семинар посетил и представитель НАТО, за месяц до этого прибывший в Томск с рабочим визитом.

Среди основных вопросов, рассмотренных на методологическом семинаре, были:

«конструирование и трансформация индивидуальных и коллективных идентичностей в городском пространстве», а также «специфика формирования и поддержания социальной и этнической идентичности горожан из числа коренных малочисленных народов Севера (КМНС)».

Модератором семинара был сотрудник АСАИ, завотделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН, профессор Д. Функ. Он же является руководителем проекта ТГУ «Человек в меняющемся мире: проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности».

Сопоставление содержания двух рассмотренных сибирских «научных форумов» позволяет выделить несколько важных обстоятельств.

Во-первых, профессор Д. Функ в одном из своих интервью утверждает, что данный проект, по сути, нацелен на изучение «роли идентичности» в процессе оптимальной адаптации человека в «современном быстро меняющемся мире». При этом, он сторонник того, что идентичность — «это ситуативная вещь, потому что в нее можно играть, ее можно выбирать в зависимости от ситуации...».

То есть, Функ фактически повторяет позицию цитированного выше доклада об исследовании, проведенном в Сибири при поддержке Фонда Фридриха Эберта: «взгляд на идентичность, как на ... ситуативную категорию», при котором возможны «процессы конструирования идентичности». А при таком подходе особостораживает отношение Д. Функа к населению Сибири и жителям других регионов страны: «Для русскоязычных сибиряков (старожилов) российские (жители европейской России) всегда были чужими...».

Во-вторых, известно, что во время работы томского методологического семинара в его кулуарах обсуждалась тема будущего приоритетного исследования: «в спешном порядке на «грантовые деньги» будет осуществляться общероссийская работа по каталогизации групп населения с выявлением механизмов самоидентификации (этих групп)».

В-третьих, нужно подчеркнуть, что Центр Европейского Союза, функционирующий в течение уже более двух лет на базе ТГУ, давно имеет свои представительства в Калининграде и Санкт-Петербурге. И если мы вспомним темы, которые обсуждали делегаты от этих регионов на летней конференции 2013 года в НИУ ВШЭ, то они касались... европейской «региональной идентичности» Калининградской и Ленинградской областей. Всё это вместе позволяет нам (с немалыми основаниями) предположить, что конференции и семинары, посвященные вопросам «регионализма» и «идентичности», — не случайность. И что представители Евросоюза и наши регионалисты вместе работают на один «проект» под названием «Развал России».

Если такая «работа» — при поддержке региональной интеллектуальной элиты — продолжится, то могут реализоваться самые катастрофические прогнозы относительно будущего нашей страны.

Такую «работу» необходимо анализировать и останавливать!

Эдуард Крюков

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Богданов тоже считал, что многие пролеткультовские поэты стали подпадать под влияние мелкобуржуазного декаданса и прошли мимо наследия классиков

Новая культура. Противоречия в Пролеткульте

Русский поэт, переводчик и литературный критик В. Я. Брюсов в статье «Пролетарская поэзия» (1920 год) так определял пути и задачи пролетарской культуры: «Наша Октябрьская революция, установив диктатуру пролетариата, дала в обществе господствующее положение новому классу, принесшему свою, новую, идеологию. Согласно этой идеологии началось пересоздание всего строя нашей жизни. Как результат этой перестройки, должна возникнуть новая культура, в частности — новая литература, новая поэзия. ...Пролетарская культура, по своим предпосылкам, по своим заданиям, должна быть коренной перестройкой всего культурного уклада человечества последних веков. Новое мировоззрение отвергает именно то, что лежало в самой основе всей новейшей культуры XV–XIX вв.: капитализм, и ставит себе идеал, противоречащий всей этой культуре: коммунизм.

...Но кто же может и должен строить эту новую культуру? Первоначальный ответ ясен сам собою: пролетариат, люди этого «нового» класса, принесшего новую идеологию. Но они одни ли? — Нам кажется, на этот дополнительный вопрос должно ответить: нет! не одни. Как возникла блестящая эллинистическая культура? То был синтез здоровых идей, принесенных завоевателями эллинами, с здоровыми же зернами, почерпнутыми из разгромленной или одряхлевшей культуры эгейцев... На протяжении всей всемирной истории новая культура всегда являлась синтезом нового со старым, с основными началами той культуры, на смену которой она приходила.

Так писал В. Брюсов, сразу оценивший масштаб и грандиозный размах Октябрьской революции. Он не захотел оставаться в роли всего лишь наблюдателя новых времен и в 1920 году вступил в РКП(б). Позже работал в Государственном издательстве и Наркомпросе.

Брюсов входил именно в ту часть старой интеллигенции, которая активно участвовала в деятельности Пролеткульта. И был среди тех, кто преподавал в кружках Пролеткульта. А в литературных студиях читали лекции самые известные поэты своего времени: Александр Блок, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Владислав Ходасевич, Николай Гумилев, Корней Чуковский.

Работавший в Московском Пролеткульте с сентября 1918 года по май 1919 года Андрей Белый пишет в письме к Вяч. Иванову, что читает курс по стиховедению в литературной студии, работает с начинающими авторами, просматривает поступающие от них рукописи, выступает с лекциями.

Стоит отметить, что по сравнению с другими группами Пролеткульт старался создавать для поэтов более благоприятные условия: в тяжелые голодные годы выдавалась зарплата и паек. При этом еще издавались сборники стихов Пролеткультов: Петроградского — «Литературный альманах», 1917 г., Московского — «Завод огнекрылый», 1920 г., Саратовского — «Взмахи», 1919 год и др. Издавались Пролеткультами и литературные журналы: Петроградским Пролеткультом — «Грядущее», Московским — «Горн», Тамбовским — «Грядущая культура». Были журналы «Красный пахарь», «Раненый красноармеец» и др.

5 октября 1918 года инициативная группа крестьянских поэтов и писателей: С. Есенин, С. Клычков, Н. Клюев, А. Чапыгин и др. обратилась в Московский Пролеткульт с заявлением о принятии в организацию. 12 октября 1918 года заявление было рассмотрено, на его тексте остались пометки: «К журналу 12/X-1918 г. Вопрос оставлен открытым».

И далее вопрос так и не был решен. Якобы пробовали создать некую «крестьянскую секцию», но отказались от этой мысли, чтобы не нарушать принципы пролетарской организации. От всей этой истории осталась только книга Есенина «Преображение» в библиотеке Богданова с дарственной надписью: «А. Богданову. Без любви, но с уважением. С ненавистью, но с восхищением. Без прилежности индустрии».

Стоя на страже пролетарских взглядов на строящееся искусство, самые известные пролеткультовские критики, бывшие рабочие Ф. Калинин и П. Бессалько в своих статьях разоблачали иррационализм, интуитивизм и всяческий мистицизм буржуазного искусства. Выступали за полный отказ от культурного наследия (Калинин говорил, что интеллигент не может стать пролетарским художником, а Бессалько — что «не нужно преемственной связи»).

В журнале «Грядущая культура» (Тамбовский Пролеткульт) выражались более резко. В январе 1919 года С. Клубень в статье «С буржуазного Парнаса — в Пролеткульт», подверг критике творчество не только крестьянских поэтов Н. Клюева и С. Есенина, но и В. Иванова, и даже Максима Горького. «Проникая на страницы наших журналов, — писал С. Клубень, — они, в большинстве случаев, стараются протащить за собой и свое упадочное, вырожденческое искусство... которому там совсем не место».

Поэт-символист Вл. Ходасевич, занимаясь со студийцами, посещавшими в Пролеткульте его лекции о Пушкине, говорил о «подлинном стремлении к знанию и интеллектуальной честности» рабочих. Но отмечал, что именно это и «не нравилось руководителям Пролеткульта. С их точки зрения, мои слушатели должны были перенять у Пушкина «мастерство», литературную «технику», но ни в коем случае не поддаваться обаянию его творчества и его личности. Следовательно, мои чтения представлялись им замаскированной контрреволюцией...»

По утверждению Ходасевича, его постепенно «убрали» из состава лекторов Пролеткульта. И так было не только с ним одним. Теоретики и деятели Пролеткульта всеми силами старались оградить пролетарских писателей и поэтов от «чужеродного» влияния литературной интеллигенции. Луначарский так объяснял подобную опеку в своей статье «Свобода книги и революция» (1921): «Мы нисколько не испугались необходимости цензурировать изящную литературу, ибо под ее флагом, под ее изящной внешностью может быть внедрен яд еще наивной и темной душе огромной массы, ежедневно готовой пошатнуться и отбросить ведущую ее среди пустыни к земле обетованной руку...».

Богданов тоже считал, что многие пролеткультовские поэты стали подпадать под влияние мелкобуржуазного декаданса и прошли мимо наследия классиков. В своей статье «Критика пролетарского искусства» он писал: «Печально видеть поэта-пролетаря,

который ищет лучших художественных форм и думает найти их у какого-нибудь кривляющегося интеллигента-рекламиста Маяковского или еще хуже — у Игоря Северянина, идеолога альфонсов и коковок... Простота, ясность, чистота формы великих мастеров — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого — всего больше соответствуют задачам нарождающегося искусства».

Обратим внимание, что Богданов призывает всех учиться не у поэта Гастева, а у классической, совсем не пролетарской русской культуры.

Как вспоминает Ходасевич, пролетарское происхождение заставляло критиков быть более снисходительными в критических оценках и толкало их на прямую лесть незрелым авторам, на захваливание скороспелых произведений: «Я видел, как в несколько месяцев лестью и пагубной теорией «пролетарского искусства» испортили, изуродовали, развратили молодежь, в сущности, очень хорошую...».

Раздраженно отзывался о пролетарских поэтах и Н. Клюев. В письме С. Есенину 28 января 1922 года он писал: «Золотая пролеткультовская рота, кормится на подножном корму, на густо унавоженных ассигнациями советских лугах».

Безусловно, Пролеткульт — явление в высшей степени неоднозначное и не лишённое внутренней противоречивости.

Здесь можно вспомнить знаменитое высказывание В. И. Ленина, которым он явно подводил черту под идеологическими разногласиями в среде пролеткультовцев. В своей речи на III съезде РКСМ 2 октября 1920 года он сказал: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые вырабатало человечество».

Действительно, в среде Пролеткульта боролись «два крыла»: одно, которое можно условно обозначить «радикально пролетарское» и второе — «умеренное». И, конечно же, распасться Пролеткульт начал не только по причине нарастания конфликта между ним (как цельной структурой) и властью, но и под давлением внутренних противоречий.

И этот внутренний конфликт особенно проявился в литературном движении. Из пролеткульта постепенно стали выходить группы литераторов, несогласных как с усиливающимся патронатом властей, так и с доминированием «умеренного» крыла. Крайне негативную реакцию многих писателей вызвало постановление ЦК партии, по которому в 1920 году Пролеткульт был подчинен Наркомпросу.

Небольшая группа пролетарских писателей, выйдя из московского Пролеткульта, образовали при Литотделе Наркомпроса подотдел пролетарской литературы. Это были В. Александровский, В. Кириллов, С. Обрядович, В. Казин, Н. Полетаев, М. Герасимов и др. Они стали выпускать журнал «Кузница», что и дало название новой группе.

Раскол Пролеткульта на умеренное крыло, согласившееся подчиниться Наркомпросу, и радикальное крыло, пытавшееся освободиться от влияния Наркомпроса путем создания новых организаций, был лишь началом фактического расщепления Пролеткульта. Создать стопроцентно новую культуру пролеткультовцам, конечно, не удалось. Культура слишком мощна и укоренена в прошлом,

для того, чтобы кто-то мог эту укорененность полностью отменить чуть ли не директивным образом.

Как считают многие, в том числе знаменитый французский писатель Ромен Роллан, культуры слишком консервативны для того, чтобы революции могли одерживать окончательные победы. Но это не значит, что Пролеткульт не повлиял на ту великую советскую культуру, которая сформировалась за счет того переплетения инноваций и традиций, о котором говорил Брюсов.

И вот тут-то мы подходим к тому, ради чего только и стоит так подробно разбирать Пролеткульт. Мы подходим к выявлению феномена старения советской культуры. Да, Пролеткульт был очень специфичен. Да, он препятствовал усвоению советской молодежью русского классического культурного наследия. Но сколько бы теоретики чистой культуры ни упражнялись в славословиях по поводу автономности культуры от политики и идеологии, все мы понимаем, — это лишь славословия и не более того. Культура всегда обусловлена идеологией и политикой. И, в свою очередь, существенно влияет на оные. Умирание Пролеткульта порождало дефицит собственно советского начала в синтетической, а во многом и синкретической послереволюционной культуре. Дефицит этого начала восполнялся постепенным втягиванием в советскую культуру новых и новых пластов дореволюционного наследия.

Но, во-первых, такое втягивание само по себе резко меняло характер советской культуры и существенно снижало ее собственно советский иммунитет.

Во-вторых, нет втягивания без «втягивателей». Кто-то что-то втягивал. И внимательный анализ процесса втягивания позволяет утверждать, что втягивалось именно то, что лишало советскую культуру иммунитета.

И, в-третьих, здоровое начало в досоветской культуре, особенно в культуре XX века, сильно преувеличено. Втягивание всё новых и новых порций досоветской культуры внутрь советского культурного организма придавало этому организму всё более декадентский характер. Что существенным образом повлияло впоследствии на успех разрушительного перестроенного проекта.

Потеря советской культурой иммунитета не могла не сделать эту культуру жертвой той самой культурной войны, которую мы рассматриваем. Потеря этого иммунитета не могла не привести к потере советской идентичности. Со всеми вытекающими из этого сокрушительными последствиями.

Вот почему противоречивое, а порой и диковатое пролеткультовское начало следует самым внимательным образом изучать. Ведь изучая его, мы изучаем и иммунитет большой советской культуры, и всё, связанное с советской идентичностью, от здоровья которой решающим образом зависела судьба советского общества.

В следующей статье мы рассмотрим, как именно образом защищался от полного исчезновения пролеткультовский культурный субстрат, уходя в особые социокультурные ниши.

Марина Волчкова